

БУКЕТ АЛЫХ РОЗ

От автора

В начале 1957 г. в московских газетах появились сообщения о высылке из пределов Советского Союза нескольких иностранных дипломатов, занимавшихся деятельностью, несовместимой с их официальным положением.

Почти одновременно с этими сообщениями были опубликованы показания нескольких шпионов и диверсантов, засланных в Советский Союз одной иностранной разведкой.

Они подробно изложили факты и обстоятельства своего падения и раскаяния. Одни попали в плен, другие были угнаны оккупантами, третьи, боясь наказания за какое-либо преступление, бежали сами.

Жизнь на Западе мало походила на ту красивую жизнь, какая изображалась во многих зарубежных фильмах. Бездомное и полуголодное существование, постоянное попрание человеческого достоинства вынуждали так называемых "перемещенных лиц" соглашаться на любые предложения. Некоторые из них, дойдя до последней степени морального падения, стали платными агентами иностранной разведки

История одного из таких "возвращенцев" показалась мне любопытной и даже поучительной, и я изложил ее в виде повести, изменив только собственные имена.

1. Отверстия в стекле

Как он уцелел, Анохин не понимал. Смерть была неизбежна. Еще секунда, мгновение — и от него осталось бы одно воспоминание

Нет, решительно он рожден под счастливой звездой!

Уже возвращаясь домой, в поезде метро, сидя на мягком диване покачивающегося вагона, он еще раз мысленно представил себе все происшедшее.

После работы Анохин прямо с завода отправился в институт, где он учился на заочном отделении, — два раза в неделю все заочники обязаны были являться на консультацию к своим педагогам.

Завод находился на окраине Москвы, институт — в центре города. Анохин доехал очень быстро. Преподаватель, в группе которого он занимался, был свободен. Анохин сдал ему тетрадь с решенными задачами, преподаватель ее просмотрел; они поговорили, и Анохин освободился меньше чем через час.

Он вышел на улицу и переулком прошел на Кузнецкий мост.

Так называемые часы "пик", когда поток москвичей, расходящихся с работы по домам, заполняет все улицы и магазины, троллейбусы, автобусы и метро, близились к концу; прохожих было еще очень много, но уже не было той толчеи, из которой трудно бывает подчас выбраться.

Дело происходило в январе, но на дворе стояла оттепель. Зима была сиротская, морозные дни за эту зиму можно было пересчитать по пальцам. Временами падал снег, временами подмораживало, но не успевали дворники выйти со своими скребками на тротуары, как вновь начинало таять и повсюду образовывалась та отвратительная слякоть, которая портит людям и настроение, и здоровье.

Анохину нравился Кузнецкий мост. Эта улица очень походила на шумные и нарядные улицы больших европейских городов, которые ему довелось видеть. Те же великолепные магазины, те же сияющие электричеством вывески, заманчивые витрины, светящиеся зеленые и

красные надписи, все очень весело, оживленно, нарядно, но было в этой улице и что — то свое, непередаваемо русское, может быть, самым приятным было сознание, что к любому прохожему можно обратиться и услышать от него ответ на своем родном языке

Анохин постоял перед витриной большого универсального магазина, где были выставлены пестрые женские кофточки. Голубые, кремовые, желтые, зеленоватые Из всех он облюбовал одну — сиреневую. Он решил, что в ближайшую получку приедет сюда и купит эту кофточку своей Шуре.

Потом он зашел в магазин рядом, где продавали фрукты и консервы. Здесь он купил мандаринов — и для Шуры, и для Маши. Патронажная сестра, которая приходила к ним на дом, очень советовала давать Маше фруктовые соки.

Потом он медленно поднялся по Кузнецкому мосту, повернул на улицу Дзержинского, собираясь пересечь площадь и пройти к метро.

И вот тут — то это и произошло!

Анохин стоял у самой кромки тротуара и ждал, когда перед ним вспыхнет зеленый свет светофора.

Вереницы автомобилей нескончаемым потоком стремились вниз, к площади Свердлова. "Победы", "ЗИМы", "ЗИЛы" неслись по скользкой мостовой. Милиционер, регулировавший в стеклянной будке на углу уличное движение, медлил остановить этот поток; казалось, бегу машин не будет конца.

Анохин переступил с ноги на ногу и вдруг почувствовал сильный толчок в спину и сразу же очутился на мостовой. Прямо на него неслась большая блестящая черная машина. Падая, Анохин инстинктивно взмахнул руками. Кулек с

мандаринами вылетел из его рук, и оранжевые мячики раскатились по мостовой. Анохин неизбежно должен был очутиться под колесами машины. Шофер не мог успеть затормозить.

И тут произошло нечто непостижимое. Вопреки всякой вероятности Анохин не упал, а очутился в объятиях милиционера — орудовца. Откуда тот вынырнул, как очутился между машинами, было непонятно. Шофер не в силах был затормозить свою машину; Анохин, падающий под ее колеса, не мог спастись. Но, должно быть, условный рефлекс на милиционера, выработавшийся у московских шоферов длительными годами практики, так силен, что машина заскрипела всеми своими тормозами, колеса с шипением забуксовали на одном месте и тяжелый капот машины лишь толкнул, легко подтолкнул Анохина и его спасителя вперед и замер, не подмяв их под себя.

Все последующее происходило, как обычно.

Шофер приоткрыл дверцу, но милиционер только махнул ему рукой: за шофером не было никакой вины. Не будь здесь милиционера, шофер, конечно, не удержался бы и наградил виновника происшествия несколькими теплыми словами, но на этот раз он только выразительно хлопнул дверцей и поехал дальше.

Милиционер вывел Анохина обратно на тротуар и тут же — это тоже был, вероятно, условный рефлекс, рефлекс вежливости — козырнул прохожему, только что спасенному им от смерти или, в лучшем случае, от увечья.

— Эх, молодой человек, молодой человек! — укоризненно произнес милиционер, хотя сам он был моложе Анохина. — Куда вас понесло?

— Да никуда, — возразил Анохин, приходя в себя. —

Меня кто — то толкнул!..

— Не надо, гражданин, не надо, все нарушители говорят, что их кто — то толкнул, — назидательно остановил его милиционер. — Придется вас оштрафовать!

Анохин оглянулся вокруг. Десятки прохожих шли мимо, и вверх, и вниз. Кое — кто равнодушно взглядывал на человека, оправдывающегося в чем — то перед милиционером, и проходил дальше. Никому не было до него дела. Анохин был уверен в том, что его кто — то толкнул, он очень ясно почувствовал сильный удар в спину. Но кто это мог быть? Хулиган? Какой — нибудь рассеянный человек, случайно на него налетевший? Слепой?.. Поблизости не было никого, и оправдываться было бесполезно: милиционер все равно ему не поверит.

— Я не возражаю, — согласился Анохин.

Только несколько придя в себя, он начал отдавать себе отчет, какой опасности ему удалось избежать. Но, должно быть, у него был слишком растерянный вид, потому что милиционер внезапно сменил гнев на милость.

— Ладно, — сжалился он. — Идите и больше не перебегайте улицы как попало

Анохину было настолько не по себе, что он даже забыл поблагодарить своего спасителя.

Он пересек площадь Дзержинского, озираясь на этот раз во все стороны, и только в поезде метро вполне осознал, что незнакомый человек в милицейской форме рисковал ради него собственной жизнью и, по существу, спас его от смерти.

Ему так захотелось поскорее к жене и дочери, что он никуда уже не стал заходить и, против обыкновения,

пришел домой с пустыми руками.

В новую квартиру Анохины переехали недавно. Сперва у них была крохотная комната в старом деревянном доме, но после рождения дочери заводоуправление дало им комнату в одном из своих новых домов. Квартира была немножко темновата — она находилась на первом этаже, но это была вполне благоустроенная квартира, с ванной, с газом и всякими прочими удобствами. Квартира была трехкомнатная; кроме Анохиных, в ней жили еще две семьи — механик Евгений Евгеньевич Деркач с женой и бухгалтер Нина Ивановна Сомова с дочерью Наташей. Деркач и Сомова работали на том же заводе, где и Анохин.

Деркач держался как-то обособленно от всех, а с Сомовыми Анохины жили душа в душу, особенно с Наташей, которая дружила и с Шурой, и с Машенькой. Сама Нина Ивановна Сомова была строгой сорокалетней женщиной; все внимание она отдавала лишь работе и дочери; мужа она потеряла во время войны и вторично замуж не пошла. Наташе шел восемнадцатый год, она кончала школу, была общительна, смешлива и совсем не походила на мать.

Анохин подошел к дому. Дом стоял на одной из тех новых улиц, которые стали возникать в Москве лишь в самое последнее время, — пустырь, превращенный в квартал больших, благоустроенных домов.

На улице было сравнительно пустынно — не то что в центре, — лишь изредка в отдалении мелькали прохожие. Везде в окнах горел свет. Из комнаты Деркача доносилось гудение радиоприемника. Окно комнаты Анохиных было занавешено.

Анохин приплюснулся носом к стеклу. Шура задернула занавеску не до конца. В щель был виден диван, на котором барахталась завернутая в одеяло Машенька; Шуру было видно в зеркале гардероба: она сидела за столом и читала книжку.

Анохин мог смотреть на них часами. Шура — совсем простая, беленькая, русоволосая, с острым носиком, с хитрыми губами. А Маша вышла ни в мать, ни в отца: смуглая какая — то, чернявенькая, а нос невозможно курносый — кнопка, а не нос

Как же ему не торопиться домой!

— Наконец — то! — воскликнула Шура, когда он вошел.
— Так не хотелось без тебя ужинать

Она вдруг широко раскрыла глаза и удивленно посмотрела на мужа.

— Что с тобой? — спросила она. — Почему ты такой бледный? Какие — нибудь неприятности?

— Нет, — солгал он. — Должно быть, просто устал.

Он не хотел зря тревожить Шуру. Не прошло и двух лет как они поженились, и Анохин оберегал ее от всяких неприятностей, тем более что она еще кормила дочку. Да и рассказывать — то было нечего, & конце концов все обошлось благополучно.

Он очень любил Шуру. Она тоже работала на заводе; они познакомились, когда Анохин пришел в цех, и вскоре поженились. Не в пример кое — кому, у них как — то ладилось все в семейной жизни.

Анохин поиграл с дочкой. Шура накрыла на стол. Потом они поужинали. Потом он решил перед сном позаниматься. Тригонометрия давалась ему нелегко. Анохин положил перед собой учебник и тетрадь. Шура принялась укачивать Машеньку. Вечер заканчивался как обычно.

И вдруг Анохин услышал легкий треск и звон, точно

лопнуло и звякнуло стекло, и у него сразу появилось ощущение, точно мимо него, возле самого уха, пронеслась пуля, — он хорошо знал это ощущение! — да, пронеслась пуля

Анохин поднял голову.

В стене чернела точка, которой днем не было.

— Ты слышал? — спросила Шура. — Как будто лопнуло стекло?

Он вскочил и мгновенно подбежал к двери, повернул выключатель и погасил электричество.

— Что ты чудишь? — воскликнула Шура.

— Подожди, — сказал он и осторожно подошел к окну.

Так и есть

В обоих стеклах математически точно друг против друга зияли два маленьких ровных круглых отверстия, и во все стороны от каждого из них расходились лучики треснувшего стекла.

Это были следы выстрела.

Кто? Кто мог стрелять?..

— Какой—то хулиган выстрелил в окно из рогатки, — объяснил он жене.

Анохин подтянул занавеску до самой стенки, так чтобы не было никакого просвета. Потом он повернулся к Шуре и добавил:

— Лучше не зажигать свет, а то еще раз пальнут из рогатки. Давай ложиться спать.

— Мальчишка небось давно убежал, — сказала Шура.

— Я тебя прошу! — промолвил Анохин.

— Как хочешь, — согласилась она послушно и стала раздеваться.

В темноте, пользуясь только бледным отсветом фонарей, лившимся с улицы, он взял с полки клей, намазал листок бумаги и заклеил отверстие.

— Что ты делаешь? — спросила Шура.

— Заклеиваю окно, — сказал он.

— Да может, оно только треснуло? — спросила Шура.

— Утром увидишь, — коротко произнес он и тоже принялся раздеваться.

Шура вскоре заснула, а сам Анохин лежал в постели и не мог заставить себя даже закрыть глаза.

В комнату стреляли, стреляли в него, — слова, которые были сказаны ему при отъезде в Россию, оправдывались. Теперь он уже не думал, что сегодняшнее происшествие на улице было простой случайностью.

2. Ночь в пустыне

Ох сколько таких страшных ночей осталось у него в прошлом!

Он лежал в отвратительном душном бараке после тяжелого рабочего дня; соседи по комнате храпели, ругались и стонали во сне, а он не мог заснуть, все думал, думал, вспоминал

К югу от городка, возле которого они строили американский военный аэродром, тянулась бесконечно

жаркая и пыльная африканская пустыня, а он вспоминал Россию, вспоминал ее ласковую и добрую землю, вспоминал родные поля и перелески и не верил, тосковал и не верил, что когда —нибудь вновь очутится на родине

Там, в России, у него были имя, отчество и фамилия, там его звали Павлом Тихоновичем Анохиным, а здесь он был существом без имени и лица, изгоем, каторжником, рабом — рабочим строительного отряда М—19 № 482/24.

Да, человек номер четыреста восемьдесят два дробь двадцать четыре
Именно "дробь"!

Родился Анохин в Бобруйске в 1925 году, там прошли его детство и юность. Отец работал в магазине продавцом; семья жила бы в достатке, если бы не пристрастие отца к выпивке. У сына сложилось впечатление, что доходы отца были не совсем чистые, но, как говорится, не пойман — не вор. Мать то ревновала отца, то требовала от него денег. На детей ни мать, ни отец не обращали особого внимания. Павел был предоставлен самому себе. Он шлялся со своими приятелями где хотел, курил с десяти лет, с пятнадцати начал выпивать. Ничего он не ценил, ничего ему не было дорого: ни родители, ни школа, ни Бобруйск. Началась война. Отца призвали в армию. Спустя пятнадцать лет, по возвращении в Россию, Павел узнал, что отец погиб на фронте. Если за ним и были какие —нибудь грешки, он искупил их своей смертью. Бобруйск заняли немцы. В 1942 году Павла вместе с другими подростками и юношами угнали в Германию. Мать во время владычества немцев умерла от голода. Об этом Павел тоже узнал позже. В Германии Павла отдали в батраки помещику Меллендорфу. Это было форменное рабство. Русские батраки заменяли Меллендорфу и рабочий скот, и даже тракторы, для которых не хватало горючего. Труд от зари до зари, а взамен побои и ржаной кофе с печеной брюквой.

Летом 1945 года Павел бежал на запад. В поисках

работы он переходил из города в город. Спустя год, измученный бродяжничеством и недоеданием, он завербовался в качестве строительного рабочего в Марокко.

Затем — пять лет в Африке, пять лет в душных и грязных бараках, пять лет бесправного, унижительного существования!

Строительный отряд М—19, в который был зачислен рабочий № 482/24, расквартировали в городе Маракеше. В Мюнхене Анохину дали прочесть несколько книг, где описывался этот самый Маракеш. Он прочел эти колониальные романы, и его потянуло в Африку. Финиковые пальмы, суровые бедуины, роскошные женщины

Отвратительный город, в котором нет никого, кроме голодных, злых и жуликоватых ремесленников. Не считая, конечно, американских офицеров, которые обращались с завербованными рабочими хуже, чем с военнопленными. Хуже, чем с собаками! Сколько раз вспоминал Анохин милый Бобруйск! Да этот клятый Маракеш в подметки не годится Бобруйску!

И всегда один, один, наедине со своей тоской и бесприютностью!

В 1951 году среди рабочих появились русские матерые эмигранты. Они ходили по баракам, знакомились с людьми, приглядывались, расспрашивали, выпытывали. Всем хотелось жрать, одеться, вырваться из этого африканского ада. Некоторым — нет, далеко не всем, — тем, кто был посмышленнее, помоложе, поздоровее, предлагали ехать в Западную Германию учиться. Чему? Если бы они знали чему!

Павел Анохин тоже попал во Франкфурт — на — Майне и очутился в "Институте изучения СССР".

Боже, что это был за институт! По утрам там читались лекции о России, о Советском Союзе, обо всем том, что

было оставлено и никогда не могло вернуться. "Лекторы" наперебой доказывали, что никогда и ничего хорошего в России не было и нет: тупой народ, грязная страна, вечное недовольство. А по вечерам "лекторы" играли со "студентами" в карты, поили их водкой и раздавали талоны для посещения публичных домов

Тех, кто не спился, лучших "воспитанников" института, через несколько месяцев перевели в специальную разведывательную школу, которой руководили американские офицеры. Большинство из них скрывали свои настоящие фамилии, "лекторов" и "учителей" знали только по кличкам, как собак: Джон, Джим, Макс, Бобби, Тонни

Впрочем, Анохину тоже дали кличку, в списках школы он значился под именем Поль.

Самыми страшными людьми в разведывательной школе были некоторые русские эмигранты. Люди, у которых не осталось ничего святого. Волки в человеческом обличье. Среди них был некий Затолович. При немцах он работал в гестаповской разведке в Могилеве. Числился он переводчиком, но ни один мало-мальски серьезный допрос не проходил без его участия. Он сам рассказывал, как загонял людям иголки под ногти, как срывал ногти, как лил им на раны соляную кислоту. Он рассказывал об этом с улыбочкой, хвастаясь умением развязывать своим жертвам языки. Или Жадов, мелкий помещичек из-под Армавира. Собственно говоря, сам он помещиком не был, помещиком был его отец. Но Жадов считал себя ограбленным революцией и не мог этого простить. Высокий, худой, черноволосый, похожий на черкеса, он любил иногда наряжаться в бурку и ходить, сверкая глазами. Он считался в школе специалистом по оружию и стрельбе. Однажды во время войны, приехав с карательным отрядом в какую-то деревню, он разрешил всем женщинам и детям уйти в лес. А когда те отошли на приличное расстояние, собственноручно перестрелял их всех. По крайней мере, так он рассказывал.

Он называл себя первым русским снайпером. Еще до конца войны он очутился в американской зоне Германии. Советский военный трибунал в Киеве заочно приговорил Жадова за все его зверства к повешению, но он только смеялся над этим. "Я еще вернусь в Киев и лично перепорю своих судей!" — бахвалился он. Такие, как Жадов или Затолович, ни перед чем не могли остановиться.

Затолович и Жадов пользовались особым доверием у начальства. В их ненависти к Советскому Союзу нельзя было сомневаться. Их побаивались даже некоторые американцы. Стоило какому-нибудь русскому выразить желание уйти из разведывательной школы, как Жадов приглашал его "прогуляться" — "в ресторан", как выражался Жадов, — и больше уже с этим человеком никто не встречался.

В школе обучали убивать, клеветать, изготавливать фальшивые документы, писать симпатическими чернилами, играть на гармошках, которые на самом деле были радиоприемниками, пользоваться фотоаппаратами, сделанными в виде часов, — всему тому, чем напичканы низкопробные детективные романы.

И, наконец, пришел день расплаты за американское хлебосольство. Анохину и его товарищам по школе сказали, что их перебросят в Советский Союз. Там они должны будут собирать сведения о военных аэродромах, выявлять радарные установки, находить недовольных, вербовать людей для борьбы с советской властью и организовывать подрывные группы

Анохин получил готовый шпионский набор: комплект фальшивых документов, бесшумные пистолеты, ампулы с ядом, портативную радиостанцию, фотоаппарат и добрую пачку настоящих советских денег.

Кому какое дело до того, что делается на воздушной базе одного государства, расположенной на территории

другого?

Анохина на самолете доставили, выражаясь образно, к подножию Парфенона, под сень оливковых рощ. На самом деле Парфенона он не увидел даже издали, а что касается рощ, ему не пришлось попробовать ни одной оливки: в Греции его накормили консервированной американской колбасой и напоили кофе с галетами, а для смелости поднесли стакан дешевого греческого коньяку.

Вечером после трапезы его пригласили к какому-то американскому майору.

Они разговаривали в крохотной комнате с голыми стенами, похожей на тюремную камеру, с маленьким круглым окном вроде иллюминатора, зарешеченным металлическими прутьями.

— Желаю вам успеха, — сказал майор на хорошем русском языке. — Каждый месяц мы будем перечислять на ваш текущий счет двести долларов. Когда вы вернетесь, вы сможете жить где угодно и как угодно. Но запомните и другое. Если вы вздумаете бездельничать или, боже упаси, нас предать, вы погибнете. Прежде всего вас расстреляют сами большевики. Ну а если они этого не сделают, сделаем это мы. От нас вам не уйти. Мы имеем своих людей во всех уголках земного шара. Достаточно нам приговорить вас к смерти, как не пройдет недели

Майор неожиданно захохотал.

— Впрочем, зачем я это говорю? — прервал он самого себя. — Ты хороший парень, и ты любишь свободу. Действуй, наблюдай, доноси, в случае надобности убивай, и тебе будет обеспечено наилучшее существование. А если попадешься в руки к этим бесчеловечным большевикам, убей себя, ампулы с ядом вшиты в твой воротник.

Майор похлопал его по плечу.

— Тебя обучали радиосвязи? — спросил он. — Умеешь работать на коротких волнах?

— Экзамен я сдал, — ответил Анохин. — Как будто умею.

— Я тебе дам волну и позывные, — сказал майор. — Запомни: Москва, Курская дорога, станция Льговская, деревня Тучкове Между станцией и деревней лес. Найдешь укромное место и будешь вызывать штаб. Штаб русских повстанцев. Каждую пятницу от пяти до семи. Понятно?

— Понятно, — послушно сказал Анохин.

— Тобой будет руководить штаб русских повстанцев, готовых к выступлению, когда для этого придет время, — объяснил майор. — От этого штаба ты будешь получать задания. Там ты получишь и явки в Москве. Понятно?

— Понятно.

— "Любимый город может спать спокойно", — хриплым дискантом и безбожно фальшивя, неожиданно пропел майор.

Он пытливо взглянул на Анохина.

— Понятно?

— Нет, — сказал Анохин.

Майор засмеялся.

— Первые два слова — позывные, ты будешь передавать их на указанной волне. А окончание фразы — отзЫв
Если кто и перехватит их, ни о чем не догадается.

— Понятно.

— Затем я могу пожелать тебе спокойного пути, — сказал майор и даже пожал ему руку. — Иди, голубчик, иди, — сказал он. — Время — деньги. Иди и освобождай свою родину. Мы тебя не забудем.

Все было предельно ясно: иди и освобождай свою родину, а мы тебе будем платить за это двести долларов в месяц.

Особенно противно прозвучало слово "голубчик". Оно было сказано очень правильно, четко, по-военному. Должно быть, этот майор очень старательно изучал русский язык и знал слова, какими следовало поощрять тех русских парней, которые соглашались за умеренное вознаграждение рисковать своей жизнью и освободить Россию для американцев.

Не успел он выйти от майора, как его повели к самолету. Черное небо, черное поле, черные тени незнакомых людей. Он не успел даже как следует рассмотреть самолет. Заметил только, что он был без опознавательных знаков.

— Быстро, быстро! — сказал ему кто-то из темноты. — Пилот должен к утру вернуться.

Анохин поднялся в самолет. В кабине самолета находился незнакомый человек в штатской одежде, с узким лицом и прищуренными глазами. Он приблизился к Анохину.

— Как вас зовут? — строго спросил он.

Анохин не знал, каким именем ему надо назваться: своим настоящим или кличкой, под которой он числился в списках школы.

— Поль, — ответил он наугад.

— Отлично! — сказал незнакомец. — А меня зовут Ральф. Будем знакомы.

Он пожал Анохину руку и указал на кресло.

— Садитесь!

Около кресла лежал аккуратно сложенный парашют и стоял чемодан со всем его шпионским снаряжением. Анохин сел.

Незнакомец выглянул наружу, что-то сказал и захлопнул дверцу кабины. Потом он вернулся и сел напротив Анохина.

Зарокотал мотор, и почти одновременно в кабине самолета погас свет.

— Можно немножко спать, — сказал незнакомец в темноте. — Я вас буду разбудивать над Россией.

Но спать Анохин не мог. Как майор его ни подбадривал, ему сейчас не так уж хотелось на родину Но выхода у него не было.

То, что оставалось позади, не вызывало у Анохина никаких сожалений. Аккуратные и чересчур прилизанные немецкие городки. Шумные и слишком безалаберные французские городки. Раскаленные и насквозь пропыленные африканские городки. И лагеря, лагеря, лагеря. Для беженцев. Для военнопленных. Для волонтеров. Для мобилизованных. Для безработных. Для рабочих. Для перемещенных лиц

Вокруг него была ночь; он плыл в ночи, и у него было

такое ощущение, что в течение всех этих двенадцати лет тянулась одна бесконечная ночь.

Он не знал, что ждет его впереди, и боялся, смертельно боялся того, что ждет его впереди, и нисколько не меньше ненавидел то, что тонуло позади него в этом страшном и пустынном ночном небе.

Было темно, очень темно. Мотор гудел ровно и монотонно. Самолет плыл в ночном небе, как большая черная птица.

3. Прыжок на родину

Самолет повис в воздухе.

— Прыгайте! — приказал ему незнакомый человек в штатской одежде и с собачьим прозвищем Ральф. — Храни вас бог!

Прыгать было страшно, но не прыгать было нельзя. Самолет висел в черном жестоком небе. Коньяк давным — давно выветрился из головы. Противный страх, точно холодная устрица, застрял в горле. Хорошо тому говорить "Прыгайте!". Сохранит его бог или нет, было неизвестно!

Он прыгнул
Никто его не ждал, никому он не был нужен, а ведь он возвращался на родину, на родную землю, от которой был оторван вот уже в течение двенадцати лет!..

Он вовремя дернул вытяжное кольцо — над ним взметнулся синий шелк парашюта; Анохина закачало, замотало в воздухе, и он упал — упал на влажную и колючую землю.

Это было жнивье.

Вокруг не было никого, вокруг него расстиралось только
бескрайнее русское

поле

Анохин встал, отцепил парашют, подтянул к себе, огляделся, парашют взял под мышку, в другую руку взял чемодан со своим имуществом и зашагал по полю.

В ближайшей балке саперной лопаткой вырыл яму, спрятал в нее парашют, засыпал землей, забросал сверху травой, листьями, сухими ветками, пошел дальше.

Вскоре он вышел на дорогу. Навстречу шел грузовик. Анохин поднял руку. Шофер остановился. Анохин попросил его подвезти. Он сказал, что был в командировке, пошел пешком на станцию и заблудился. Сказал наугад: он не знал, близко или далеко находится железнодорожная станция. Шофер недоверчиво хмыкнул, он подумал, что перед ним незадачливый муж, спасающийся от жены. Шофер всех мерил на свой аршин, он сам однажды убежал так от жены. Анохин пообещал хорошо заплатить. Шофер пренебрежительно махнул рукой и посадил Анохина рядом с собой в кабинку, Анохин доехал до станции и дал шоферу пятьдесят рублей. Шофер удивленно посмотрел на "короля" — так шоферы называют случайных пассажиров, — "король" заплатил ему действительно по-королевски, но Анохину не жаль было хозяйских денег. Они выпили в буфете вокзала по кружке пива — угощал шофер, — Анохин купил билет и в первом же поезде поехал в Москву.

Все было очень просто и очень необычно. Никто его ни в чем не подозревал. Все были с ним очень предупредительны. Соседи по вагону угощали чаем, ватрушками, помидорами. Он сам выходил на станциях, покупал кур, яйца, яблоки. Только не решался пить водку: боялся захмелеть и проговориться.

У Анохина было каменное сердце. Он сам считал, что оно у него каменное. Давным-давно разучился он кого-нибудь жалеть. Выпивка, женщины, деньги — вот все, что было ему нужно, и поменьше работы. Какая-то девочка принялась угощать его ирисками. "Дядя, возьмите,

возьмите!" — уговаривала она его. "Возьмите, — сказала ее мать. — Не обижайте дочку". В течение двенадцати лет никто с ним так не разговаривал. В разведывательной школе его учили убивать таких девочек. Чувство жалости затопило Анохина. Нет, он жалел не девочку — ее нечего было жалеть, — он жалел самого себя. На что это ему все: радиомаяки, пистолеты, ампулы?!

Он приехал в Москву. Вышел на привокзальную площадь. Сразу погрузился в сутолоку большого города. Все было не так, как представлялось ему в воображении. Везде стояли новые дома. Везде торговали магазины. Нигде не было никаких очередей за продуктами.

Надо было что-то делать. Сегодня только четверг
Разыскивать ближайший аэродром и записывать, сколько там находится самолетов?

Ему вдруг захотелось скрыться, спрятаться, утонуть в этом большом и кипучем городе, так утонуть, чтобы его никто и никогда больше не нашел. Он пошел по площади, дошел до угла, постоял, пошел обратно. Чемодан оттягивал ему руку. Ему казалось, что к нему вот-вот подойдут и прикажут открыть чемодан. Чемодан казался ему тяжелее, чем был на самом деле. К нему подошел носильщик.

— Поднести? — спросил носильщик.

Он ничего не ответил и опять пошел прочь от вокзала. Он боялся ходить с чемоданом по городу, но ему некуда было его деть. К нему подошла какая-то девушка и спросила:

— Где тут камера хранения?

Тогда он подумал, что тоже может сдать чемодан на хранение. Сдать чемодан было опасно, но не менее опасно было таскаться с ним по городу. Он долго колебался, но потом рискнул.

К его удивлению, ничего не произошло. Чемодан взяли, выдали квитанцию, никто его не задержал.

Он поехал в город. Ходил по улицам. Зашел в какую-то столовую, поел. Опять ходил. Вечером пошел в кинотеатр, на последний сеанс. Вышел на улицу. Хотелось спать. Идти было некуда. В гостиницу он боялся пойти. Половину ночи слонялся по улицам, вторую половину сидел на бульваре и дремал.

Наступило утро. Он поехал на вокзал, взял билет до станции Льговская. Но брать чемодан из камеры хранения не стал: без чемодана он чувствовал себя спокойнее. Доехал до Льговской. Спросил дорогу на Тучково. Вышел на дорогу, свернул в лес. Там нашел полянку, поросшую редкой, шершавой травкой. Он лег на полянке и заснул. Проснулся он перед вечером и обедать поехал в Москву, а ночевать — обратно на Льговскую. Ночью в лесу ему спалось плохо, он замерз. Он опять поехал в Москву. Вдруг ему пришла в голову спасительная мысль, что только в поезде он чувствовал себя в безопасности. Он боялся получать чемодан в камере хранения, боялся предъявлять свой паспорт. Но никто не стал изучать его паспорт, мельком прочли его фамилию и выдали чемодан. Он переехал с Курского вокзала на Казанский, взял билет до Свердловска в мягком вагоне — денег у него было достаточно.

В вагоне он отоспался, но в Свердловске повторилось то же самое, что и в Москве.

Какая-то женщина заметила, как он слоняется у вокзала, и предложила ему пойти к ней переночевать. Она сказала, что иногда пускает к себе приезжих поприветнее, которые не смогли устроиться в гостинице. Она жила неподалеку от вокзала в двухкомнатной квартире; в одной комнате помещалась она сама с мужем и сыном, в другой стояла пустая койка; она брала с постояльцев за ночевку по семь рублей.

Везде текла нормальная, простая жизнь. Один Анохин болтался неприкаянный, одинокий и никому не нужный. Ему хотелось приткнуться — куда-нибудь, лишь бы приткнуться, он не мог дольше выдерживать такое существование

С какой стати он должен портить всем этим окружающим его людям жизнь? В конце концов, что сможет сделать ему этот майор, который так старательно называл его голубчиком? До каких пор будет он мыкаться из города в город?

Анохин опять поехал в Москву. "В последний раз", — сказал он себе, хотя вовсе не был уверен, что в последний раз

В сотый раз он вышел на привокзальную площадь. Дошел до остановки троллейбуса. Постоял. Потом пошел было обратно к вокзалу. Вернулся к остановке. Сел в троллейбус и поехал в центр города. Там он долго ходил по улицам. Трудно было решиться на то, что он надумал. Не хватало мужества. Он шел на верную гибель. Американцы советовали Анохину в случае задержания немедленно покончить с собой. В советских застенках, уверяли они, каждого задержанного ждут пытки и смерть. Умирать не хочется никому. Но и убивать своих соотечественников Анохин тоже был не в силах. И так и этак — все было нехорошо. А лгать он больше не хотел. Анохин зашел в первое попавшееся кафе и как следует наелся. Осетрина, сосиски, курица, пирожное. Пил он только лимонад. Даже пиво не стал пить. Он не хотел терять рассудок. Потом подошел к справочному киоску и спросил, где помещается разведка. Барышня, сидевшая в киоске, посмотрела на него отсутствующим взглядом. Она такого учреждения не знает. "Разведывательное управление, уголовный розыск, МВД", — настаивал Анохин. Барышня попросила оставить ее в покое. Тогда он подошел к первому попавшемуся ему по дороге милиционеру.

— Я шпион, — сказал Анохин. — Отведите меня!

— Вы лучше идите домой, — сочувственно посоветовал милиционер. — Идите и проспите.

Анохин настаивал на своем. Им вдруг овладело упрямство. Он с трудом уговорил милиционера пойти с ним в отделение милиции. Там он раскрыл свой чемодан. Ну тут уж ему никого не пришлось уговаривать. Через полчаса его увезли на машине туда, куда он так настойчиво хотел попасть.

Он сидел в кабинете перед лейтенантом, которому было поручено вести дело, и рассказывал все о себе и о своих хозяевах, о Маракеше и Франкфурте

— Ну что нам с вами делать? — сказал лейтенант после долгого разговора. — Арестовывать или отпускать

Он оставил Анохина одного, ушел куда-то, по-видимому, советоваться.

— Вот вам записка в гостиницу, — сказал он вернувшись. — Идите, отдохните, а утром возвращайтесь, пропуск вам будет заказан.

— А если я убегу? — спросил Анохин.

— Ну куда вы от нас денетесь? — добродушно сказал лейтенант. — Вы сделали лучшее, что могли для себя придумать.

Это было слишком прозаично. Анохин ждал чего-то необыкновенного, он был даже разочарован.

Потом потянулись допросы, один другого скучнее и муторнее. Он рассказывал все, что знал, и все, о чем он рассказывал, до того ему омерзело, что он думал только о

том, как бы поскорее ему от всего этого освободиться.

Изо дня в день подходил он к серому многоэтажному зданию, заходил в бюро пропусков, предъявлял дежурному коменданту свой фальшивый паспорт, получал пропуск, на лифте поднимался на пятый этаж, заходил в комнату № 427, здоровался со своим лейтенантом и начинал рассказывать. Несколько раз по пятницам вместе с лейтенантом он ездил в Тучкове. Но штаб русских повстанцев молчал.

Наконец наступил момент, когда Анохин исчерпал всего себя.

— Что со мной сделают? — спросил он, он уже не сомневался в том, что его не расстреляют.

— Ничего, — сказал лейтенант. — Вас решили простить.

— Как это "простить"? — переспросил Анохин. — Как же это можно?

— А зачем вас казнить? — добродушно возразил лейтенант. — Живите, работайте, из вас еще выйдет что-нибудь путное.

Анохин растерялся.

Ох с каким наслаждением схватил бы он за глотку одного из своих "лекторов"

— Так вот, все, Павел Тихонович, — сказал лейтенант. — Живите, работайте. Вот вам адреса. Получайте честные документы, поезжайте на завод, здесь он указан. Вы говорили, что хотите стать механиком. Вас примут там на работу. А что касается штаба повстанцев, то они, вероятно, сменили свои позывные и пароли после вашего исчезновения, а явку заморозили. В общем, все в порядке.

Желаю успеха!

Лейтенант встал, вышел из — за стола и пожал Анохину руку — не с тем надменным и покровительственным видом, как делали это американские офицеры, когда отправляли его в Россию вредить, убивать и шпионить, а совершенно просто, по — приятельски, как свой своему, как честный человек честному человеку.

— Меня зовут Дмитрий Степанович Евдокимов, — сказал лейтенант. — Прошу не забывать. В случае чего, милости просим. Какая — нибудь заминка, недоразумение — прошу

И все действительно произошло так, как сказал Евдокимов. В отделении милиции ему выдали паспорт, и для этого не пришлось никого ни убивать, ни обманывать. На заводе приняли на работу, дали комнату. В цехе ему понравилась Шура Лужникова, и хотя он все ей о себе рассказал, она не побоялась выйти за него замуж. В прошлом году он поступил на заочное отделение института

И вот пришла расплата. Путь к честной жизни ему был заказан. Он не захотел изменять, убивать, предавать, и вот теперь его за это убьют. Шура овдовеет. Маша станет сиротой

От своих прежних "хозяев" никуда не уйти. Они его предупреждали. И он сам видит, что никуда не уйти. Напрасно он воображал, что все плохое позади. Не пойти с повинной он не мог. Но жениться было не нужно. Не нужно было поступать в институт. Это все ни к чему. Если он не попал под машину, его застрелят. Если не застрелят, расправятся еще как — нибудь. У них везде свои люди. Где бы он ни был, его настигнут

Всю ночь Анохин не сомкнул век. Только в Африке, в этой чертовой раскаленной, безвоздушной пустыне, он

переживал такие мучительные ночи. Один, один со своей бесконечной тоской и без всякой надежды на будущее

И вот опять он очутился один, в пустыне, наедине со своею тоской. Что он может сказать Шуре? Было преступлением с его стороны жениться на ней, да еще завести дочку. Не сегодня завтра его убьют. У Шуры не будет мужа. У Маши — отца. Что с ним сделают? Бросят под машину? Застрелят? Отравят?..

4. Комната № 427

— Ты не заболел? — спросила Шура утром мужа.

У него был такой несчастный вид.

— Нет, — сказал он.

Ему плохо удавалось скрыть тревогу, терзавшую его сердце.

— Ты сходи в поликлинику, — предложила Шура. — А то что я буду с вами двумя делать?

Машу уже несколько дней не носили в ясли: там был случай кори, и в яслях объявили карантин. Маша была здорова, но Шура очень боялась, что Машенька заболит корью.

— Придется опять просить Наташу присмотреть за Машенькой, — сказала Шура. — Ты бы купил Наташе конфет

При всех затруднительных обстоятельствах Анохины обращались за помощью к Наташе Сомовой, и не было еще случая, когда бы она их не выручала.

— Хорошо, — сказал Анохин. — Я схожу в поликлинику.

Машенькой они, конечно, нагрузили Наташу. Анохин и Шура вышли из дому вместе; она побежала на завод, он пошел в поликлинику.

— Ты скажи в цехе, — попросил он жену, — что я заболел

На самом деле он отправился совсем в иную сторону.

Он подошел к знакомому зданию, вошел в бюро пропусков, спросил, как найти лейтенанта Евдокимова.

— Вы Анохин? — спросил из окошечка старшина.

— Да, — с некоторым удивлением сказал Анохин.

— Имя—отчество?

— Павел Тихонович.

— Правильно.

Старшина порылся в пачке готовых пропусков и протянул один из них Анохину.

— Как начал было Анохин.

— Пропуск вам заказан, — сказал старшина. —
Получите. Вас
ждут

И вот в руках у Анохина опять, как и тогда, два года назад, пропуск в комнату № 427, он опять входит в знакомый кабинет.

Тот же желтый письменный стол, те же стулья, обитые коричневым дерматином, шкаф с книгами.

Евдокимов все такой же простой, симпатичный парень,

он никак не изменился, также зачесаны назад гладкие русые волосы, также пытливо смотрят на вошедшего голубые глаза, только на погонах прибавилось по звездочке: он уже не просто лейтенант, а старший

— Здравствуйте, Павел Тихонович, — приветствует он Анохина. — Рад вас видеть. Мы знали, что вы придете

— Почему? — спросил Анохин. Евдокимов смущенно улыбнулся.

— Это не имеет существенного значения. Существенно то, что человек, толкнувший вас под машину, успел скрыться. Но мы его разыскиваем и, конечно, разыщем. В этом вы не сомневайтесь.

— Я не сомневаюсь, — машинально сказал Анохин. — Но меня удивляет даже, вернее сказать, я поражен тем, что

Он осекся, будучи не в состоянии выразить всей полноты своего изумления осведомленностью Евдокимова. Но тут же другое чувство властно вытеснило все остальное. "Неужели все эти годы, — подумал он, — советская разведка следит за мной, не доверяет мне?"

— Раз вы решили стать честным человеком, наша обязанность оберегать ваш покой и вашу жизнь, как мы оберегаем покой и жизнь всех советских людей, — оказал Евдокимов, как бы прочитав мысли Анохина.

— Неужели все эти годы вы следили за мной?! — воскликнул Анохин с оттенком горечи.

— Не следили, а охраняли, — мягко поправил Евдокимов, — и знаем, что дней пять назад в одном из

справочных бюро Москвы неизвестный гражданин узнавал ваш адрес. Нам стало ясно, что вас кто — то разыскивает, и мы усилили охрану.

— Хороша охрана! — воскликнул Анохин. — Вчера вечером после истории с машиной меня чуть не пристрелили дома.

Евдокимов изменился в лице.

— Не может быть! Ваш дом охраняется. Это вам, наверное, показалось! Вы ошибаетесь!

Анохин покачал головой:

— Ну то что меня пихнули под автомобиль, мне могло показаться. Но окно, окно Камнем стекло так не пробьешь, я в этих делах разбираюсь.

Евдокимов задумчиво произнес:

— Нет, под машину вас действительно толкнули, и наш человек вас спас, а вот выстрел Ну что ж, поедем

— Куда? — спросил Анохин.

— К вам, — ответил Евдокимов. — Посмотрим на месте.

Они поехали к Анохину домой. Сомнений не было. Стекло действительно было пробито пулей.

— Где вы сидели? — спросил Евдокимов. — Покажите.

Анохин сел за стол так, как сидел накануне. Пуля пролетела возле самой головы Анохина и застряла в стене.

Анохин побледнел.

— Ну, значит, мне крышка, — пробормотал он. — Мне от них не уйти!

— Вздор! — возразил Евдокимов. — Если у них ничего не получилось вчера, теперь и подавно не получится.

Евдокимов подошел к Анохину и протянул ему руку.

— Неужели выдумаете, что мы с ними не справимся?

Анохин пожал протянутую ему руку.

— Спасибо, — сказал он. — Но вы их не знаете!

— Знаю — знаю, — утешил его Евдокимов. — Знаю и приму меры!

Хотя на самом деле он еще ничего — ничего не знал.

— Продолжайте жить как ни в чем не бывало, — сказал он Анохину. — Сегодня я пришлю к вам врача, он оформит ваше отсутствие на заводе, а все остальное я беру на себя.

Он брал на себя очень большую ответственность, но не взять ее он не мог. Анохин глубоко вздохнул.

— Эх если бы вы знали, как мне опять нехорошо!..

— Ничего, — утешил его Евдокимов. — Держите себя в руках и не подавайте вида, что вы чем-то встревожены. Будьте осторожны: береженого, как говорится, бог бережет. Поэтому берегитесь сами, а уж функции бога мы возьмем на себя.

5. Ночные посетители

— Да вы садитесь, Дмитрий Степанович, — благодушно сказал генерал, выслушав доклад Евдокимова. — В ногах

правды нет. Подумаем, посоветуемся. В таком деле требуется взвесить все очень обстоятельно

Когда генерал приглашал садиться, это значило, что начиналась разработка оперативного плана.

— Итак, — сказал генерал, — имеется раскаявшийся шпион и нераскаявшиеся хозяева. Они о нем вспомнили. Два года не вспоминали — и вдруг вспомнили. Ну, это понятно. Во — первых, два месяца назад в печати появилось интервью Анохина, почему он явился с повинной. Это интервью не могло понравиться его прежним хозяевам. Так что он сам напомнил о себе. Во — вторых, примеру Анохина последовали еще несколько агентов. Их прежним хозяевам это тоже вряд ли нравится. В — третьих, интервью Анохина может побудить и других последовать его примеру. Следовательно

Генерал остановился.

Евдокимов вежливо молчал.

— Почему вы молчите? — вдруг спросил генерал Евдокимова. — Что "следовательно"?

— Следовательно, есть прямой расчет убить Анохина, — ответил Евдокимов. — Пусть даже в Москве чувствуют карающую руку господина "

— Не будем называть этого господина, — прервал генерал Евдокимова. — Но удержать его руку мы обязаны.

Генерал вопросительно посмотрел на Евдокимова. Чем — то он напоминал Евдокимову старого, умного и снисходительного учителя.

— Не так ли? — спросил генерал.

Евдокимов вежливо наклонил голову:

— Так.

Генерал внезапно отвлекся:

— Ну а теперь поинтересуйтесь
этим

Он полез в стол, достал кожаную папку, извлек оттуда какую — то бумажку, протянул Евдокимову.

— Вот, поинтересуйтесь! Шифровка. Две недели назад неопознанный самолет ночью пересек нашу южную границу. В квадрате "К — 43" он задержался и исчез. Что он там делал, неизвестно. Пока не обнаружено ничего.

Евдокимов просмотрел шифровку, там было сказано не больше того, что сказал генерал.

— Не угодно ли? — спросил генерал. — Задача!

Он провел над губой пальцем, точно разглаживал усы, хотя никаких усов у него не было.

— Да, ночные посетители! — вздохнул генерал. — Надоело!.. — Он не договорил и еще покопался в папке. — А вот еще донесение. Около двух недель назад из Бад — Висзее исчез один из лучших инструкторов американской разведывательной школы, известный под кличкой Виктор.

Генерал поцокал губами:

— Еще одна задача!

Он достал еще какую — то бумажку:

— А это справка. Настоящее имя этого Виктора — Семен Семенович Жадов, уроженец города Армавира, 24 февраля 1944 года военным трибуналом Первого

Украинского фронта заочно приговорен к смертной казни за организацию массовых расстрелов украинского населения.

Генерал вскинул на Евдокимова серые, выцветшие от времени глаза:

— Понятно?

Евдокимов не знал, что ему должно было быть понятно.

— Простите, — почтительно сказал Евдокимов. — Вы думаете

— Я ничего не думаю, — прервал его генерал. — Я перебираю факты.

Евдокимов замолчал.

— Ну а что думаете вы? — спросил генерал. — Говорите.

— Я думаю, что его забросили к нам, — сказал Евдокимов. — А вы, товарищ генерал?

— А я не знаю, — сказал генерал. — Может, забросили, а может, нет. Фактов еще недостаточно.

— Можем ли мы быть уверены, что во всех этих случаях действует одна и та же разведка? — спросил Евдокимов.

— Можем, — ответил генерал. — В этом можем.

— Значит, надо искать Жадова? — спросил Евдокимов.

— Надо, — сказал генерал.

— Но ведь точных данных, что он заброшен, у нас нет, — сказал Евдокимов.

— Все равно надо.

— Слушаюсь, — сказал Евдокимов.

— С чего думаете начать? — спросил генерал.

— С танцев, — ответил Евдокимов.

— Вы имеете в виду Эджвуда? — спросил генерал.

— Так точно. Попробую начать с него.

— А что, опять выкидывает какие-нибудь штучки? — спросил генерал.

— Так точно, — сказал Евдокимов. — Все то же.

— Розы? — спросил генерал.

— Так точно, — подтвердил Евдокимов.

— Ну действуйте, — сказал генерал. — И помните: за жизнь Анохина отвечаете вы, его смерть нужна им и очень может навредить нам.

— Разрешите идти? — спросил Евдокимов.

— Да, идите, — сказал генерал и протянул лейтенанту руку.

Это было знаком большого расположения. Он задержал руку Евдокимова в своей и поощрительно похлопал слегка по ней другою рукой.

— Ну действуйте, — повторил он еще раз, отпуская Евдокимова. — Ни пуха вам, ни пера!

Не было ничего удивительного в том, что генерал сразу угадал намерение Евдокимова заняться Эджвудом.

Евдокимов, хотя, по мнению Евдокимова, второй такой дуры найти в Москве было нельзя.

Отец Галины, крупный инженер и коммунист, был членом коллегии одного из промышленных министерств, мать работала врачом и даже имела звание кандидата наук. Галина была их единственной дочерью, от нее ничего не требовали и все ей позволяли. Поэтому Галина не обременяла себя изучением наук, но зато первой изучала все новые танцы, первой начинала носить модную прическу и первой напялила на себя дурацкие узкие штаны дудочкой. Короче говоря, это была типичная девушка — стилига, некая разновидность Элочки — Людоедки из знаменитого романа Ильфа и Петрова.

Года три Галина училась в Институте иностранных языков, училась кое — как, но благодаря отцовским связям ей удалось устроиться в Интурист переводчицей. Работа вскоре ей надоела, но за время работы она сумела завести себе определенный круг знакомых, и ее даже приглашали иногда на официальные приемы, устраиваемые время от времени для иностранцев.

Там — то она и встретила с мистером Эджвудом, знакомство с которым перешло в нежную дружбу.

Мистер Эджвуд еще до встречи с Галиной очень увлекался фотографией. Из — за этих фотографий и возникли у него неприятности. То он снимал какой — нибудь завод, то аэродром, то мост. Дотошные милиционеры не один раз принуждали незнакомого иностранца засвечивать свою пленку. Будь этот фотограф обычным иностранцем, его уже давно попросили бы покинуть пределы Советской страны, но, на свое счастье, он обладал дипломатическим иммунитетом. Дело кончилось тем, что официальные советские лица вынуждены были обратиться к непосредственному начальнику господина Эджвуда с просьбой остудить пыл неутомного фотографа, после чего он несколько притих и стушевался.

Теперь мистер Эджвуд катал Галину на своей машине по Москве, и они вместе объездили все окрестности столицы.

Должно быть, Галина нравилась мистеру Эджвуду не на шутку, и он изредка фотографировал свою русскую подружку.

Но внимание Евдокимова Эджвуд привлек отнюдь не своей страстью к фотографированию: кроме фотографии, господин Эджвуд еще очень любил цветы и из всех цветов отдавал предпочтение красным розам.

В этой любви к цветам тоже не было бы ничего предосудительного, если бы не одно странное обстоятельство, отмеченное милиционерами, дежурившими у квартиры любознательного иностранца.

Время от времени за одним из окон квартиры Эджвуда появлялся букет алых роз, и в тот день господин Эджвуд обязательно посещал кафе на улице Горького.

Евдокимов знал твердо: появился букет — вечером Эджвуд будет в кафе.

Такое совпадение заинтересовало Евдокимова, и он решил лично познакомиться с этим любителем цветов.

Проще всего было познакомиться с ним при помощи Галины, а познакомиться с самой Галиной было легче легкого.

Одна из подруг Галины представила ей Евдокимова.

Одет он был по самой последней моде, умел танцевать все новейшие танцы, денег имел сколько угодно — с такими качествами он не мог не понравиться Галине.

В кафе Галина познакомила Евдокимова и с мистером Эджвудом, а когда тот узнал, что Евдокимов — молодой

ученый, работающий в одном из учреждений, где производятся исследования в области ядерной физики, Эджвуд стал проявлять к нему самое усиленное внимание.

Однако Евдокимов знал меру всему и не переигрывал, и об учреждении, в котором он якобы работал, не рассказывал ничего. На все расспросы Эджвуда он лаконично отвечал, что говорить о своей работе не имеет права. Он даже напускал на себя испуганный вид и давал понять, что побаивается органов государственной безопасности. Это соответствовало представлениям Эджвуда о советских людях. Но раза два или три Евдокимов все ж таки кинул капитану Эджвуду приманку. Он как бы ненароком обмолвился о том, что он сторонник чистой науки и тяготится зависимостью науки от политики.

— Хорошо ученым в Америке, — сказал Евдокимов, — там их деятельность не координируется государственными планами

По — видимому, мистер Эджвуд немедленно намотал эти слова себе на ус и стал уделять своему новому знакомому еще больше внимания.

Вот с этого — то господина Эджвуда Евдокимов и решил начать поиски исчезнувшего две недели назад из Бад — Висзее Жадова, тем более что в окне квартиры Эджвуда вот уже два дня красовался букет алых роз.

6. Учительница танцев

Евдокимов с трудом уговорил Марину Васильевну Петрову уделить ему часа полтора своего времени.

Петрова была молодая, но уже известная балерина, комсомолка, активная общественница и вообще очень хороший советский человек. С Евдокимовым у нее были приятельские отношения. Но она готовилась выступить в очень ответственной роли и не хотела отвлекаться от работы ни для кого и ни для чего.

— Дмитрий Степанович, голубчик, — молила она его по телефону, — я всегда вам рада, но только не теперь.

— Именно теперь, — настаивал он, в свою очередь. — Не могу обойтись без вашей помощи.

В свое время Марину Васильевну специально познакомили с Евдокимовым, для того чтобы она научила его танцевать.

Он не был любителем танцев и считал, что жить можно и без них, но случилось так, что он не смог бы расследовать одно дело, если бы не умел танцевать. И в соответствии с разыгрываемой ролью он должен был танцевать безукоризненно. Тогда его и познакомили с Петровой.

Ей откровенно объяснили, что одного работника органов государственной безопасности необходимо обучить танцам.

В начале занятий Евдокимов смущался, но Петрова была столь проста, держалась так по-товарищески, что вскоре дело у них пошло на лад, и после нескольких уроков Марина Васильевна сказала, что взяла бы Евдокимова себе в кавалеры на любом публичном балу.

К ней — то Евдокимов и явился.

Раньше, до знакомства с Петровой, он не представлял себе, как изнурителен труд балерины. Того не ешь, другого не пей, гимнастика утром, гимнастика вечером, весь день строго регламентирован, и, наконец, эти монотонные и утомительные упражнения:

“И раз — два — три
И раз — два — три
” Нет, не

хотел бы он быть балериной!

Деловой вид Марины Васильевны лучше всего свидетельствовал о том, как она занята.

Со сцены она казалась удивительно красивой, а на самом деле у нее были заурядное бледное личико и хрупкая фигурка, только мускулы на ногах были развиты совершенно непропорционально; на ней были белая майка, короткая черная юбочка и тапочки — сразу видно, что Евдокимов оторвал ее от занятий.

— Ну, пойдете, — сказала Марина Васильевна и повела его в рабочую комнату.

За пианино сидела Рахиль Осиповна Голант — низенькая рыжеволосая женщина с лорнетом в черепаховой оправе, висевшим у нее на шее на черной шелковой тесьме, которым она, во всяком случае на глазах у Евдокимова, никогда не пользовалась.

Она была в своем роде уникам. Когда обижали лично ее, она сразу терялась и всегда готова была обратиться в бегство, но если неприятности грозили Марине, она превращалась в грозную медведицу.

— Из нее вышла бы первоклассная концертантка, если бы не ее застенчивость, — уверяла Марина.

Рахиль Осиповна была постоянной помощницей Марины в ее занятиях.

— Ах, как вы некстати! — бесцеремонно сказала пианистка гостю. — Мариночка только начала вживаться в образ

— Ну ладно, ладно, — оборвала ее Марина и обратилась к Евдокимову: — Выкладывайте, что у вас. Уж не собираетесь ли вы в силу особых обстоятельств выступить на сцене?

Евдокимов смутился. Марина Васильевна сделала

ударение на словах "особые обстоятельства", потому что во время своих занятий танцами Евдокимов никогда ни о чем ей не рассказывал, неизменно ссылаясь на "особые обстоятельства".

— Извините, Рахиль Осиповна, — обратился он к пианистке. — Неотложное дело — Он умоляющими глазами посмотрел на балерину. — Научите меня, пожалуйста, танцевать рок — н — ролл

— Господи, да на что он вам понадобился?! — воскликнула Марина. — Недоставало только, чтобы я учила вас этому безобразию! Приличный человек не должен выделять такие телодвижения!

— Но вы его знаете? — спросил Евдокимов.

— Конечно, знаю, — сказала Марина Васильевна. — Знаю и не одобряю.

— Научите меня, — взмолился Евдокимов. — Мне это очень нужно.

— Да зачем вам? — спросила Марина. — Над вами будут смеяться.

— Да неужели вы думаете, что мне так уж хочется плясать этот рок? — сказал Евдокимов. — Чего не сделаешь ради дела

Марина Васильевна расшвыряла ворох нотных тетрадей, извлекла оттуда какие-то ноты в пестрой обложке и без лишних слов поставила их на пюпитр пианино.

— Изобразите — ка это нам, — сказала она пианистке. — Поэнергичнее!

— Это после Чайковского — то? — укоризненно произнесла Рахиль Осиповна и покорно ударила по клавишам.

Звуки и вправду были какие — то дикие.

— Да вы не смотрите, не смотрите на Рахиль Осиповну! — вскричала балерина. — Смотрите на меня!

Она вывернула ноги коленками внутрь и принялась топтать и прыгать, все эти притопывания и подпрыгивания представляли малопривлекательное зрелище.

— Нравится? — спросила Марина, дрыгая ногами.

— Как? Так? — спросил Евдокимов и, в свою очередь, лягнул ногой.

Марина покатила со смеху.

— Ничего нет смешного, — обиделся Евдокимов. — Были бы вы на моем месте

— Конечно! — продолжала хохотать Марина. — От хорошей жизни так не заплывешь!

Она схватила его за руки.

— Пошли! — скомандовала она. — Ногу вправо, ногу влево, раз — два
Топайте, топайте! Теперь
наклоняйтесь Ко
мне! От меня! Раз —
два Опять
топайте!..

— Господи! — пролепетал Евдокимов. — Какой идиот это придумал?!

Марину Васильевну трудно было уговорить, но уж если она начинала заниматься, то умела заставить человека поработать.

— Раз—два! — неумолимо командовала она. — Направо, налево

Евдокимов топал, прыгал, кланялся и про себя проклинал свою профессию.

— Ну а теперь посмотрите на меня со стороны, — попросил он Марину Васильевну. — Получается или нет?

Он подошел к пианистке.

— Рахиль Осиповна, прошу!

Она повернулась к нему как ужаленная.

— Что—о?

— Я хочу, чтобы Марина Васильевна посмотрела на меня со стороны, — просительно объяснил он. — Всего несколько па!

— Нет, нет и нет, — категорически отказалась пианистка. — Это черт знает что, а не танец! Просто стыдно вытворять такие вещи

Она обиженно отвернулась от Евдокимова.

— Ничего! — крикнула Марина Васильевна. — Вы только играйте! Дмитрий Степанович может один

Евдокимову пришлось соло исполнить рок—н—ролл перед Петровой.

— Ну как? — спросил он, останавливаясь перед

учительницей.

— Три, — сказала она. — Даже с плюсом, принимая во внимание, что это в первый раз.

— Значит, я могу танцевать в кафе? — спросил Евдокимов.

— Можете, — разрешила Марина Васильевна. — Многие танцуют еще хуже.

Евдокимов пожал ей руку.

— А теперь идите, — сказала Петрова. — Мне и так достанется от Рахили Осиповны за эти танцы

Евдокимов поспешил к себе в учреждение. Из своего кабинета он позвонил по телефону Галине Вороненко.

— Галиночка? — сказал он. — Здравствуйте. Это Дмитрий Степанович. Откуда? Конечно, из института. Ну, у нас одну работу можно делать десять лет, никто и не спросит. Что вы сегодня делаете вечером? Ах заняты? С Эджвудом? Жаль. Почему жаль? Потому, что я научился танцевать рок — н — ролл. Очень интересно Ах вы тоже хотите? А как же Эджвуд? Ну хорошо. Куда? В кафе на улицу Горького? Хорошо. Буду. Нет, обязательно буду. Целую. Не модно? Что не модно? Ах целоваться не модно? Ну, тогда — он плоско сострил, Галина засмеялась. Плоские остроты, очевидно, были в моде.

7. Дядя Витя заболел

Перед тем как отправиться в кафе, Евдокимов заехал за Анохиным.

Дверь открыла Шура.

— Проходите, пожалуйста. Он вошел в комнату.

Все там выглядело очень идилично, только окно было наглухо занавешено черной шалью, так, как это делали во время войны, соблюдая правила затемнения.

Шура перехватила взгляд Евдокимова.

— Чудит мой, — объяснила она. — Говорит, окно будет освещено, хулиганы могут запустить камнем.

— А я за вами, — сказал Евдокимов Анохину. — Вы мне нужны.

— Надолго? — спросила Шура.

— На весь вечер, — сказал Евдокимов. — Хочу провести с ним вечер в кафе.

— Я могу обидеться, — сказала Шура. — Я ревнивая.

— Со мной можно отпустить, — сказал Евдокимов. — Вас я не приглашаю: нельзя же оставить дочку

— Я пошутила, — сказала Шура. — Поезжайте, пожалуйста.

Он попросил Анохина одеться понаряднее. В кафе публика бывала хорошо одетая, и Анохин не должен был чем —нибудь от нее отличаться.

Анохин принарядился и стал выглядеть женихом.

— Вот и отлично, — одобрил Евдокимов и еще раз извинился перед Шурой. — Не сердитесь, это для его же пользы.

В машине он объяснил Анохину, что от него требуется.

Анохин должен был сесть в самом дальнем углу кафе, не привлекая к себе ничего внимания, требовалось одно: посмотреть на человека, с которым Евдокимов будет сидеть за одним столиком; Евдокимова интересовало, не встречался ли Анохин с этим человеком в разведывательной школе.

— Вполне возможно, что он окажется вашим знакомым, — сказал Евдокимов. — Сохраняйте полное спокойствие и не вздумайте себя обнаружить.

Они вылезли из машины неподалеку от кафе и вошли порознь.

Евдокимов с рассеянным видом поплыл между столиками.

Сновали официантки в кружевных наколках и батистовых передниках, больше похожие на актрис, чем на официанток. Под оранжевыми абажурами мягко теплились настольные лампы. За столиками сидели посетители, воображавшие, что они ведут светский образ жизни: публика ходила в это дорогое кафе не столько для того, чтобы поесть, сколько для того, чтобы провести время.

Евдокимов шел и нарочно не смотрел в сторону тех, с кем ему надо было встретиться.

Они сами увидели его.

На нем был фисташковый пиджак с розовыми крапинками, узкие лиловые брюки и серая рубашка с галстуком вишневого цвета.

— Дмитрий Степанович? — окликнула его Галина.

Евдокимов оглянулся в ее сторону.

— Ах это вы? — небрежно — удивленным тоном спросил он, точно они не уславливались встретиться сегодня в кафе.

Галина и Эджвуд сидели посреди зала, на виду у всех.

Евдокимов подошел к ним.

— Здравствуйте, — сказал он с таким видом, точно у него болел живот.

— Здравствуйте, Деметрей, — сказал Эджвуд и подтолкнул в его сторону стул. — Присаживайтесь.

В общем, по-русски он говорил неплохо, только ударения ставил неправильно.

Евдокимов сел с таким видом, точно пристраивался на раскаленную сковороду.

— Что с вами? — спросил Эджвуд.

— Переутомление, — томно произнес Евдокимов: он не мог отказать себе в удовольствии подразнить Эджвуда. — Наши исследования вступили в решающую фазу.

У Эджвуда загорелись глаза.

— Какие исследования? — спросил он. — Если это, конечно, не секрет.

— К сожалению, секрет, — меланхолично заявил Евдокимов. — Мы все дали подписку о том, что тайны нашего института умрут вместе с нами.

К столику подошла официантка. Евдокимов уныло поглядел на столик. Галина ела пломбир, запивая мускатом. Перец Эджвудом стояли графинчик с водкой и лососина с лимоном.

— Коньяк, — тоскливо сказал Евдокимов. — Коньяк и лимон.

— Сколько? — спросила официантка.

Евдокимов поднял веером два пальца.

— Две рюмки? — спросила официантка.

— Двести грамм, — сказал Евдокимов. — И, пожалуйста, бутылку фруктовой воды.

— Вы не любите Россию, но пьете по-русски, — заметил Эджвуд.

— Нет, почему не люблю? — устало протянул Евдокимов. — Мне только не хватает здесь кислорода.

Эджвуд засмеялся. Он знал, чем это кончится. Евдокимов налижетя коньяку и потом не отвяжется от него до самого дома. Будет уверять, что не может оставить его одного среди пьяных русских.

Евдокимов смотрел на Галину и думал: как можно так себя обезобразить, куда смотрят ее отец и мать?

Лицо у нее самое простое, круглое, белесоватое, но что она из него сделала! Брови выщипаны, и ведь ей, должно быть, было больно, когда их выщипывали. Новые брови нарисованы много выше настоящих. От этого лоб кажется совсем маленьким, хотя он у нее обычный, нормальный. Губы похожи на сургучную печать. Во рту поблескивают золотые коронки. Над головой торчит копна взлохмаченных волос. Эта прическа называется "мальчик без мамы". В одном ухе серьга. Подчеркнутая асимметрия. Среди московских модниц прошел слух, что одну серьгу носит знаменитая кинозвезда Бетт Муррей

Официантка поставила перед Евдокимовым графинчик с янтарным коньяком и бутылку не менее янтарного мандаринового напитка.

— Соломинку, — сказал он.

Официантка принесла соломинку. Евдокимов опустил соломинку в янтарную жидкость и принялся сосать. Он втянул в себя коньяк, точно фокусник.

Эджвуд почтительно смотрел на Евдокимова: американцы здоровы пить, но за русскими им не угнаться!

Конечно, он налижется и прилипнет к Эджвуду как банный лист.

— Еще коньяк, — сказал Евдокимов официантке.

— Вы мне покажете рок — н — ролл? — спросила Галина.

— Конечно, — сказал Евдокимов бодрым тоном. — С пррревеликим удовольствием.

Оркестр заиграл знакомую какофонию. Евдокимов взял Галину за руки, и они затопали между столиками. Со стороны это было диковатое зрелище.

Евдокимову не хотелось танцевать. Делая беззаботный вид, он не спускал глаз с Эджвуда. В конце танца он нечаянно наступил Галине на ногу — Галина смолчала, но это даже доставило ему удовольствие.

Официантка снова принесла коньяк. Он опять выпил.

Эджвуд смотрел на него с восхищением.

Евдокимов не собирался объяснять Эджвуду, что, обладая незаурядной ловкостью рук, он со щегольством настоящего иллюзиониста менял коньяк на мандариновый напиток.

Эджвуд выглядел добродушным мордастым розовощеки́м парнем, но у него были маленькие злые свинячьи глазки, которыми он насквозь просверливал своих

собеседников.

— Вы герой, — сказал он Евдокимову. — Вы настоящий русский герой!

— Коньяк! — заорал Евдокимов. — Двести грамм!

— Вы меня извините, — сказал Эджвуд. — Мне надо выйти, я отлучусь всего на две минуты.

— И я! — пьяным голосом закричал Евдокимов.

— Вы лучше посидите, — сказал Эджвуд. — Я сейчас вернусь.

— И я! — закричал Евдокимов.

Он делал какие-то странные движения подбородком, точно к его горлу подкатывала икота.

Эджвуд встал, Евдокимов уцепился за него, они вместе пересекли зал. Евдокимов держался за рукав Эджвуда.

Они вошли в туалетную. Евдокимов судорожно икнул и ринулся в кабинку.

Было тихо, лишь слегка журчала вода да кто-то из мужчин звучно сморкался в носовой платок.

И вдруг кто-то явственно произнес:

— Дядя Витя заболел.

Евдокимов не обратил бы на эти слова внимания, если бы тотчас же не последовал ответ Эджвуда:

— Надо обратиться к доктору.

Евдокимов с вытаращенными глазами вывалился из кабинки, можно было подумать, что его тошнило. Эджвуд

дождался Евдокимова. Кроме него, в уборной не было никого.

— Вам лучше? — участливо спросил Эджвуд.

Евдокимов утвердительно кивнул. Они пошли обратно в зал. В зале танцевали. Галина кружилась с каким-то незнакомым юношей в голубом костюме.

— Вам не надо больше пить, — участливо сказал Эджвуд. — Вы не доберетесь домой.

— Пррравильно, — подтвердил Евдокимов и допил свой коньяк.

— Вы не сможете пойти завтра на работу, — сказал Эджвуд. — А ведь ваши исследования вступили в решающую фазу.

— Пррравильно, — согласился Евдокимов. — Отставим коньяк и перейдем на водку.

— А что это за исследования? — спросил Эджвуд. — Если это, конечно, не секрет?

— Атомная энееррргия, — пьяным голосом сказал Евдокимов. — Государственная тайна!

И вдруг он увидел, что через зал пробирается Анохин.

Анохину было велено переждать, пока Евдокимов и Эджвуд не покинут кафе, а он вопреки указанию пробирался через зал, не обращая ни на кого внимания.

Он торопился. У него был явно встревоженный вид. Точно он чего-то испугался. Втянув голову в плечи, он быстро пробирался между столиками, не обращая внимания на официантку, шедшую ему навстречу с полным подносом.

— Атомная энергия, рок-н-ролл, переходим на

водку —
механически бормотал Евдокимов, раздумывая, почему Анохин нарушил его указание.

— Это ослепительно, — сказала Галина, возвратясь к столику. — Закажите мне кофе — глянсе.

Евдокимов смотрел на нее непонимающим взглядом. Эджвуд думал о том, что ему не удастся избавиться от пьяного Евдокимова. Галина не думала ни о чем.

— Ах, мальчики, — сказала она, — я давно уже не проводила время так хорошо!

8. Визит старого друга

"Дядя Витя заболел". Пароль. "Надо обратиться к доктору". Отзыв. Это понятно. Пароль и отзыв. И это, конечно, много, но это и мало. Пароль и отзыв известны, но еще неизвестно, постоянные ли это пароль и отзыв.

С кем разговаривал Эджвуд? Для кого были выставлены на окне розы? Что это за дядя Витя, и существует ли он вообще? Почему Анохин убежал из кафе?

Все эти и подобные им вопросы Евдокимов задавал себе в течение всей ночи.

Поэтому, придя на работу, он немедленно заказал Анохину пропуск и с нетерпением стал ждать его прихода.

Анохин запаздывал. Наступило десять часов, одиннадцать Он появился только в двенадцатом часу. Он без стука вошел в кабинет и, не здороваясь, опустился на стул возле двери.

— Что с вами? — спросил его Евдокимов. — На вас лица нет.

Анохин побледнел, осунулся, одни глаза горели

лихорадочным блеском.

— Вы что, больны?! — спросил Евдокимов. — Надеюсь, в вас больше не стреляли?

— Нет, — сказал Анохин.

— Ну как, узнали вы этого господина, который сидел со мной за столиком? — спросил Евдокимов. — Он не из числа ваших учителей?

— Нет, — сказал Анохин.

— Вы в этом убеждены? — спросил Евдокимов.

— Да, — сказал Анохин. — Этого человека я видел первый раз в жизни.

— А почему же вы ушли из кафе? — спросил Евдокимов с упреком. — Я просил вас не торопиться.

Анохин только отрицательно покачал головой.

— Я не понимаю вас, — сказал Евдокимов. — Может быть, вы выпили и вам стало нехорошо?

— Нет, — оказал Анохин. — Я не пил, но мне и вправду нехорошо.

Он полез в карман и достал оттуда обычный почтовый конверт.

— Все равно мне не жить, — сказал он невесело. — Не уйти, не скрыться.

— Откуда эта меланхолия? — бодро возразил Евдокимов. — Я обещал вам, что все будет в порядке.

Анохин опять покачал головой.

— Нет, вы их не знаете

Он поднялся и положил перед Евдокимовым конверт.

— Что это? — спросил тот.

— Читайте, — сказал Анохин. — Я это получил сегодня.

Евдокимов извлек из конверта клочок бумаги. Это было короткое письмо, написанное простым карандашом кривыми буквами и явно измененным почерком: "Что бы ты ни предпринял, все равно ты от нас не уйдешь. Твой старый друг".

— Вот, — сказал Анохин.

— Что "вот"? — спросил Евдокимов.

— Мне от них не уйти, — сказал Анохин.

— Не будьте ребенком, — сказал Евдокимов. — Нельзя так распускаться.

— Вы их не знаете, — упрямо повторил Анохин.

— Вы когда это получили? — спросил Евдокимов.

— Сегодня утром, — сказал Анохин.

— А почему вы вчера убежали из кафе? — спросил Евдокимов.

— Потому что в кафе я увидел — у Анохина от волнения перехватило дыхание. — Жадова! — сказал он и посмотрел на Евдокимова остекленевшими глазами.

— Какого Жадова? — спросил Евдокимов. —

Инструктора из разведывательной школы в Бад — Висзее?

— Да, — сказал Анохин. — Он уничтожал у нас всех тех, кого подозревали в симпатиях к Советскому Союзу.

— И этого Жадова вы видели вчера в кафе на улице Горького? — спросил Евдокимов.

— Да, — сказал Анохин.

— А вы не ошиблись? — спросил Евдокимов.

— Нет, — сказал Анохин. — Я не мог ошибиться.

— Каков он собой? — спросил Евдокимов. — Опишите его.

— Высокий, брюнет, с небольшой проседью, смуглый, — сказал Анохин. — Он в тридцати шагах пробивает брошенную в воздух карту.

Евдокимов вспомнил свою беседу с генералом.

— Его прозвище — Виктор? — спросил он.

— Да, в школе его звали Виктором, — подтвердил Анохин.

— И теперь он в Москве — задумчиво произнес Евдокимов.

— Он приехал за мной, — сказал Анохин. — Мне от него не уйти.

— Ерунда! — резко оборвал его Евдокимов. — Не распускайте себя, вы не в Западной Германии, вас окружают тысячи друзей.

Конечно, Евдокимов не знал столько, сколько знал

генерал, но генерал правильно его нацелил

Нацелить — то нацелил, но это была стрельба по движущейся мишени, непросто было в нее попасть.

— Вы не можете предположить, где он остановился? — спросил Евдокимов.

— Откуда же мне знать? — ответил Анохин. — Жадов хитер, ловок, его трудно будет найти.

— А вчерашнего человека, который сидел со мною, вы так никогда и не видели? — переспросил Евдокимов.

— Нет, нет, — решительно подтвердил Анохин. — Кого не знаю, того не знаю.

В это время зазвонил телефон. Евдокимов снял трубку.

— Это кабинет товарища Евдокимова? — спросил прерывающийся женский голос.

— Да, — сказал Евдокимов.

— Ох! Наконец — то, а то я уж отчаялась! — воскликнула женщина. — Товарищ Евдокимов?

— Да, — сказал Евдокимов. — А кто говорит?

— У вас нет моего мужа? — спросила она в ответ. —
Это Анохина Александра
Ивановна

— Да, он здесь, — сказал Евдокимов. — А что, что —
нибудь случилось?

— Пусть сейчас же едет домой, — сказала Анохина. — Немедленно. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Евдокимов, — я его сейчас

отпущу.

Анохина прервала разговор, не дослушав Евдокимова.

— У вас в квартире нет телефона? — спросил Евдокимов.

— Нет, — сказал Анохин. — А что?

— Звонила ваша жена, — сказал Евдокимов. — Просила вас приехать.

— Но ее не было дома! — удивился Анохин. — Как же она
очутиться могла

— Откуда же она звонит? — спросил Евдокимов.

— В соседнем доме есть телефон-автомат, — растерянно сказал Анохин. — Но почему она не на работе?..

— А откуда она знает, что вы у меня? — спросил Евдокимов.

— А я говорил ей утром, — объяснил Анохин, — что собираюсь к вам.

— А с кем вы оставили девочку? — спросил Евдокимов.

— С соседкой, — сказал Анохин. — У соседки есть дочка — Наташа. Мы всегда оставляем с ней Машеньку. Наташа учится в вечерней смене, кончает десятый класс

Он встал:

— Я поеду.

Евдокимов поправил его:

— Поедем вместе.

— Спасибо, — сказал Анохин.

“Черт знает, может, это вовсе и не жена звонила, — подумал Евдокимов. — Вызывают, чтобы убить, такие случаи бывали ”

Он заказал по телефону машину.

— Зачем вы меня успокаиваете? — уже в машине упрекнул Анохин Евдокимова. — У меня все время сердце не на месте.

Когда они приехали, в квартире Анохиных было полное смятение.

Уезжая в город, Анохин попросил Наташу Сомову присмотреть за Машенькой. Наташа справлялась с этой обязанностью отлично. Так было и на этот раз. Машенька сидела в кроватке и играла, Наташа сидела рядом и читала книжку. Неожиданно раздался звонок

Четыре звонка! Наташа пошла открыть дверь. В дверях стоял какой-то незнакомец в приличном пальто и с портфелем в руке.

— Это квартира Анохиных? — спросил он.

— Да, они живут здесь, — подтвердила его слова Наташа.

— Я врач, — сказал незнакомец. — Проведите меня к ним.

— Но их нет дома, — сказала Наташа. — Дома только их девочка.

— Она — то мне и нужна, — сказал незнакомец. — В

поликлинику звонила ее мать и просила навестить ребенка.

Наташа ничего об этом не слышала, но подумала, что ее просто забыли предупредить о посещении врача. Во всяком случае, в таком посещении не было ничего необычного, тем более что карантин, объявленный в яслях, куда носили Машеньку, еще не кончился.

— Пойдемте, — сказала Наташа и повела незнакомца в комнату Анохиных.

Машенька сидела в кроватке.

— Эта? — спросил незнакомец, указывая на девочку.

— Да, — сказала Наташа, — наша Машенька.

— Ну вы можете идти, — сказал незнакомец. — Я осмотрю ребенка

Он сказал это столь повелительно, что Наташа не осмелилась ослушаться и невольно подчинилась, хотя не понимала, чем могла помешать врачу при осмотре.

Она вышла в коридор, и тут вдруг ее поразили всякие несообразности в поведении врача: он не разделся, а прямо в пальто ввалился в комнату, не помыл рук перед осмотром, не достал никаких инструментов

Ей стало как — то не по себе.

Она подошла к двери, постояла и тихонечко приотворила ее.

На мгновение она замерла от ужаса: незнакомец с финкой в руке приближался к кровати ребенка и смотрел на Машеньку каким — то змеиным взглядом

Дальше Наташа уже ничего не соображала. Она дико

взвизгнула и кинулась в комнату, пытаясь заслонить собой Машеньку. Она ничего не думала, то, что она делала, было где — то вне ее мыслей, она действовала инстинктивно и в то же время очень решительно. Незнакомец рванулся, занес руку, но Наташа в это мгновение уже заслонила девочку. Своего движения незнакомец сдержать уже не мог, нож скользнул по руке Наташи и располосовал ее всю от плеча до кисти.

Наташа завизжала еще громче. На крики из своей комнаты выбежала Анна Яковлевна Деркач. Потом выбежала Нина Ивановна Сомова. Навстречу им выскочил какой — то человек, оттолкнул Анну Яковлевну, так оттолкнул, что она отлетела к стенке, открыл наружную дверь и исчез столь стремительно, что его невозможно было ни остановить, ни задержать.

Наташа визжала. Женщины кинулись не за незнакомцем, а к Наташе. Обе девочки, и большая, и маленькая, были залиты кровью. Обе кричали. Понять ничего было нельзя.

Нина Ивановна, мать Наташи, быстро взяла себя в руки. Она осмотрела обеих девочек. Машенька была невредима, у Наташи была ранена рука. Нина Ивановна кое — как перевязала руку простыней и побежала звонить по телефону. Вызвала "Скорую помощь". Потом вызвала с работы Александру Ивановну Анохину. Потом позвонила в милицию

На заводе Анохиной дали машину. Она появилась у себя в комнате через полчаса. В квартире уже хозяйничали врачи. Милиционер писал протокол. Александра Ивановна побежала звонить Евдокимову. Павел Тихонович сказал ей утром, куда он собирается

Когда Евдокимов и Анохин вошли в квартиру, Наташу уже увезли в больницу.

Анохин кинулся к Машеньке.

Он схватил ее на руки и заплакал.

Никто из женщин не плакал, плакал один Анохин.

— Вы видите, видите? — приговаривал он сквозь слезы.
— Они не останавливаются ни перед чем!

9. Супруги Анохины

В том, что они не остановятся ни перед чем, не сомневался Евдокимов теперь и

Для этой цели они выбрали одного из самых страшных, самых жестоких своих псов, который действительно не остановится ни перед чем, и приказали ему уничтожить Анохина. Убийство ни в чем не повинного ребенка должно было показать, что Анохину от его бывших хозяев пощады не будет. Было очевидно, что в Жадове не осталось ничего человеческого. Хищник до мозга костей, до самой глубины своего сердца! Он должен быть пойман и обезврежен во что бы то ни стало

— Ну хватит, хватит, — резко сказал Евдокимов Анохину. — Возьмите себя в руки!

Евдокимов перевел взгляд на Шуру. Она стояла у стола и словно выжидала, скоро ли уйдут из ее комнаты посторонние; у Евдокимова даже сложилось впечатление, что она не столько напугана, сколько раздражена.

— Здравствуйте, товарищ Евдокимов, — произнесла она с приветливостью, мало гармонировавшей с тем, что произошло и происходило вокруг нее, и серьезно добавила: — Это хорошо, что вы приехали, теперь все будет в порядке.

Много раз, при разных обстоятельствах, приходилось

Евдокимову слышать такие слова.

Вот и сейчас слова, сказанные ему этой молодой и очень простой женщиной, накладывали на него невероятную ответственность. Она совсем не знала Евдокимова, также как и он не знал ее, но в его лице она видела то, что охраняет ее покой, ее жизнь, ее благополучие. Она не сомневалась в том, что Евдокимов призван охранять ее благополучие, и, коли Евдокимов находился возле нее, она верила, что все будет в порядке.

Евдокимов ничего ей не ответил, подошел к лейтенанту милиции, писавшему протокол, пошептался с ним, и тогда тот оторвался от протокола, быстро навел необходимый порядок, выпроводил из комнаты посторонних, дописал протокол, еще пошептался с Евдокимовым и оставил комнату вслед за остальными.

Евдокимов остался с Анохиными.

— А теперь сядем и поговорим, — сказал он.

— Нет, я так не могу! — воскликнула Шура и тут же прикрикнула на мужа: — Да держи ты ее хорошо, а то руки дрожат, точно кур воровал!

Анохин и вправду как — то неуверенно прижимал к себе дочь.

— Сядь! — приказала ему Шура.

Он послушно сел с дочерью на диван.

— Вы меня извините, — сказала Шура Евдокимову и выбежала из комнаты.

Она тут же вернулась с ведром и тряпкой.

— Вы меня извините, — сказала она еще раз. — Как можно разговаривать, когда

тут — Она
указала на заслуженный пол. — Вон сколько грязи нанесли.
Я быстренько подмою, а уж
тогда

Она действительно очень быстро и ловко протерла сырой тряпкой крашенный пол, вынесла ведро, вернулась, расставила по местам стулья, взяла у мужа дочку, села рядом с ним на диван, и все вокруг нее снова приняло естественный и обжитой вид, точно ничего здесь и не случилось.

В ней не было ничего особенного — самая обыкновенная женщина, каких очень много, — но это деловое спокойствие, это стремление к порядку и чистоте делали ее необыкновенно привлекательной.

Евдокимов посмотрел на Анохина, который сидел, точно побитый, перевел опять взгляд на Шуру и вдруг понял, что привлекло в ней Анохина.

Неуравновешенный, не очень стойкий и даже в какой-то мере опустошенный за годы своих странствий, он в этой простенькой и неискушенной женщине черпал уверенность в своем завтрашнем дне; она была для него источником силы, которая помогала ему вращаться в ту почву, где он когда-то рос, от которой был оторван и в которую ему необходимо было снова вращаться.

В этой маленькой русоволосой женщине с веснушками на носу, подумал Евдокимов, заключалась та самая сила, которая позволила нашим женщинам вынести все тяготы войны, голодать и работать, растить детей и с непостижимым терпением ждать возвращения своих мужей

Сила жизни, которая в какой-то степени проявилась и проявлялась в Анохине, заключалась не столько в нем самом, сколько в этой самой Шурочке, которая, прибежав домой после такого страшного события, успела уже вымыть

дочку протереть пол и сидела сейчас на диване и сердито поглядывала на мужа. Она не успела только поплакать. Свои слезы она приберегла к ночи, когда уснет дочь, уснет муж и никто ее не увидит.

— А теперь поговорим, — сказала Шура. — Я сама — то еще толком ни в чем не разобралась.

Евдокимов взял стул и сел против дивана.

— Вам — то понятно, что произошло? — спросил он Анохина.

— Что ж тут понимать? — ответил он. — Моя песенка спета.

— Какая же это песенка? — спросила Шура.

— Да вы и петь — то еще не начинали, — сказал Евдокимов.

— Теперь Шура проклянет тот день, когда пошла за меня замуж, — печально промолвил Анохин. — Одни только заботы со мной!

— Сказал! — усмехнулась Шура. — А из — за чего же я за тебя замуж пошла?

— А из — за чего? — быстро спросил Евдокимов.

— Жалко его стало, — сказала Шура. — Беспризорный он был какой — то, один

— Слышите? — спросил Евдокимов. — Или вы воображали, что она за героя вас приняла?

— Вот дурень! — сказала Шура.

— А вы понимаете, что произошло? — обратился

Евдокимов к Шуре.

— Это из—за того, что он не стал служить тем? — спросила она.

Она пальцем указала на стену, подразумевая что—то, что осталось где—то там, далеко

— Да, именно из—за того, — подтвердил Евдокимов. — Из—за того, что в вашем Анохине еще сохранилась совесть и он не смог стать иудой.

— Товарищ Евдокимов! — воскликнул Анохин. — Я и не хотел им стать!

— Хотели, — неумолимо сказал Евдокимов. — Но не смогли.

— Нет, он уже стал другим, — мягко сказала Шура. — Он еще боится тех, но он уже наш.

— Вот вы и воспитывайте его, — сказал Евдокимов. — Вам он больше всего должен быть обязан.

Машенька начала попискивать, вертеться; Шура каким—то очень свободным и легким движением подняла кофточку, придвинула Машеньку к своей груди, чтобы девочка не мешала разговору, и Машенька тут же к ней прильнула; Шура обнажила грудь так просто, точно в комнате не было постороннего мужчины, с таким целомудрием, что понравилась Евдокимову еще больше. Перед ним находилась действительно простая и хорошая женщина.

— Что же теперь делать? — спросил Анохин. — Вы не знаете Жадова!

— Знаю, — ответил Евдокимов. — Достаточно того, что он сделал сегодня, чтобы узнать вашего Жадова.

— Он не уедет, не выполнив задания, — сказал Анохин.

— А мы не позволим, — возразил Евдокимов. — Не думайте, это не так просто — ходить по советской земле и совершать убийства.

— Его самого убьют, если он не выполнит задания! — настаивал Анохин.

— Но ты же слышал товарища Евдокимова? — вмешалась Шура.

— А мы и его не дадим убить, — сказал Евдокимов.

— Что же делать, что же делать? — неуверенно спросил Анохин.

— А вот это другой разговор, — одобрительно улыбнулся Евдокимов. — Думаю, что об этом и хотела поговорить ваша жена.

— Конечно, — кивнула Шура. — Научите нас.

— Да в общем ничего, — сказал Евдокимов. — Мы сами последим, чтобы случаи вроде сегодняшнего не повторялись. А вам надо быть поосторожнее. Будьте побольше на людях, избегайте пустынных мест, темных переулков, занавешивайте вечером окно.

— Но ведь он будет нас выслеживать!.. — сказал Анохин с отчаянием.

— А мы его, — произнес Евдокимов.

— А если он опередит? — спросил Анохин.

— Не думаю, — ответил Евдокимов.

— А может, лучше уехать? — спросил Анохин.

— Куда?

— Не знаю. Куда —
нибудь

— Но ведь вы сами говорите, что они вас найдут всюду? — сказал Евдокимов.

— Значит, не ехать? — спросил Анохин.

— Не советую, — сказал Евдокимов.

— Да ты не сомневайся, — вмешалась Шура. — Разве у нас дадут погибнуть?!

— Вы слушайте жену, — сказал Евдокимов. — А вы, в случае чего, звоните мне, — ласково кивнул он Шуре. — И я тоже буду к вам наведываться.

10. Наташа

Слух о том, что сделала Наташа Сомова, дошел до ее школы в тот же день, и одноклассники решили немедленно навестить ее в больнице; они позвонили на станцию "Скорой помощи", узнали, в какую больницу отвезена Сомова, и всей гурьбой пошли по указанному адресу.

В больнице Наташи не оказалось.

После того как ей обработали рану и наложили швы, Наташа решительно заявила, что оставаться в больнице не хочет. Ей советовали остаться на два—три дня, но она взмолилась и настаивала, что дома ей будет лучше, что рана легкая, что она будет осторожна. И ее в конце концов отпустили.

Наташа вышла из больницы, тихонечко, как и обещала врачу, дошла до угла и, хотя у нее с собой не было денег, села в такси и поехала домой.

Приехав, она позвонила левой рукой и сделала вид, что не замечает удивления матери, открывшей ей дверь.

— Тебя отпустили? — удивилась Нина Ивановна.

— Ничего серьезного, — залпом выпалила Наташа. — Ты меня извини, мама, но я приехала на такси, пешком не решилась идти, а денег у меня не было, заплати, пожалуйста.

— Ох боже мой, какая ты у меня еще глупенькая! — нежно сказала Нина Ивановна и пошла расплачиваться с шофером.

Она уложила Наташу в постель и не успела толком расспросить, что делали с ней в больнице, как пришли Наташины товарищи.

Они засыпали ее вопросами и восклицаниями.

— Но что же в самом деле произошло?

— Неужели этот тип в самом деле пытался убить девочку?

— А он был не сумасшедший?

— А ты увидела и бросилась?

— Но ведь он мог тебя убить!

Товарищи восхищались ею и охали, расспрашивали и не могли успокоиться.

— Конечно, я не думаю, чтобы это был вполне нормальный человек, — вмешалась в разговор Нина Ивановна. — Но говорят, что у него с Павлом Тихоновичем, с нашим соседом, дочку которого он хотел убить, какие — то старые счеты и он из мести хотел убить девочку.

Наташины товарищи заволновались снова.

— Но как же это можно?

— Убить ребенка!

— Ты герой, Наташка!

— Не ожидали, что ты такая смелая!

Но сама Наташа хладнокровно остудила их пыл.

— Я не понимаю, чему вы удивляетесь? — рассудительно сказала она. — А как бы вы поступили на моем месте? Представьте себе, что на ваших глазах кто-то хочет убить ребенка. Стояли бы в стороне и смотрели? Никогда не поверю!

Гости смутились.

— Но все-таки ты бросилась под нож, — несмело заметил кто-то. — Не всякий решится

— Хорошо! — запальчиво сказала Наташа. — А кто из вас не решился бы заслонить ребенка? Скажите!

Вес застенчиво молчали.

— Вот видите! — торжественно заявила Наташа. — Среди нас нет ни одного труса!

— Ну, это теоретически, — заключил спор Петя Кудеяров, самый маленький и самый горластый мальчик из всего класса. — Но практически ты показала нам всем пример, и за это мы уважаем теперь тебя еще больше!

Наутро, перед тем как разойтись из дому, в передней собрались все жильцы квартиры, чтобы договориться о необходимых мерах предосторожности.

Было решено, что днем на все звонки будет подходить к двери Анна Яковлевна Деркач и, прежде чем открыть, тщательно выяснять, кто пришел и зачем, а незнакомых решили вообще не впускать в квартиру.

Поэтому, когда в обед раздались три звонка и незнакомый голос из — за двери попросил впустить его к Наташе Сомовой, Анна Яковлевна не хотела открыть дверь.

Евдокимов просил, настаивал, требовал.

Анна Яковлевна была неумолима.

Тогда Евдокимов вынужден был сказать, где он работает.

Но осторожная Анна Яковлевна только приоткрыла дверь, не снимая дверной цепочки, и попросила Евдокимова подтвердить свои слова документами.

Лишь после тщательного изучения удостоверения онапустила его в квартиру.

Наташа Сомова с рукой на перевязи сидела на диване в своей комнате. Евдокимов постучал.

— Вы ко мне? — не слишком приветливо спросила она.

— Если вы Наташа, то к вам, — сказал Евдокимов, улыбаясь.

— Я Наташа, — подтвердила она. — Но я не сделала ничего особенного и не хочу об этом разговаривать.

— А вы не знаете, зачем я пришел, — улыбнулся Евдокимов. — Поэтому можно быть и поприветливее.

Наташа испытующе поглядела на Евдокимова.

— Вы не из "Пионерской правды"? — недоверчиво спросила она.

— Нет, — заверил ее Евдокимов.

— И не из "Комсомольской"? — спросила она.

— Нет, — сказал Евдокимов.

— А то я терпеть не могу заметок о старушках и утопающих детях! — резко сказала Наташа.

— О каких старушках? — не понял Евдокимов.

— Которых пионеры переводят через дорогу, — сказала Наташа не без юмора, явно кого-то копируя. — Пионер Костя Иванов отличается высоким пониманием пионерского долга и четвертого апреля, в пятнадцать часов ноль—ноль минут, на углу Садовой и Самотечной перевел престарелую пенсионерку З.В.Хлестову через улицу!

— А что тут плохого? — спросил ее Евдокимов.

— Ничего плохого, но и ничего особенного, — насмешливо ответила Наташа. — По-моему, это просто неестественно — удивляться тому, что в советском обществе хороших людей больше, чем плохих!

— Так не волнуйтесь, я не пришел восхищаться вами, — серьезно сказал Евдокимов. — Я к вам по делу.

Наташа вдруг засмеялась.

— Да вы садитесь, я не кусаюсь!

Евдокимов сел.

— Я серьезно по делу, — сказал он. — Я именно потому и пришел, что вы так мужественно вели себя с этим негодяем.

— Ну во — от, так и знала, — разочарованно протянула Наташа. — А теперь начнете расспрашивать, как, да почему, да отчего.

— Нет, — сказал Евдокимов. — Я работник специальных органов, и меня интересуют не вы, а тот, кто вас ранил. Понятно?

— Ну это — другое дело, — сказала Наташа. — Но только что я могу о нем сообщить? Я видела его всего несколько минут, а когда он меня ранил, даже не видела, я, должно быть, зажмурилась и только орала от страха.

— А какой он из себя? — спросил Евдокимов. — Попытайтесь, расскажите.

— Неприятный, — ответила Наташа. — Мне он сразу не понравился.

— Маловато! — усмехнулся Евдокимов. — Высокий, низкий, толстый, худой, безусый, усатый? Все это очень важно.

— Высокий, немолодой, худой, — сказала Наташа.

— А подробнее? — попросил Евдокимов.

— А больше я не запомнила. Вот если бы мне его показали, я бы узнала.

— Так всегда! — с досадой сказал Евдокимов. — Чтобы показать, надо найти, а чтобы найти, надо знать, кого искать. Высоких и худых по Москве миллион ходит!

Наташа вздохнула.

— Жаль, что я не могу быть вам полезна, но ничего не поделаешь

— О нет! — сказал Евдокимов. — Вы можете быть полезны, и потому — то я и пришел.

— Я? — удивилась Наташа и серьезно добавила: — Говорите.

— Видите ли, Наташа, — сказал Евдокимов, — не прояви вы — он искал подходящее слово, — тревоги, что ли девочки не было бы в живых

— Ах! Вы опять! — прервала его Наташа. — Не надо!

— Нет, вы помолчите, послушайте меня, — остановил ее Евдокимов. — Девочки не было бы в живых. И я хочу вас попросить помочь мне в том, чтобы не было других жертв.

Он внимательно посмотрел на Наташу.

— Вы комсомолка, — сказал он. — То, что я вам скажу, я прошу сохранить в секрете

И Евдокимов откровенно рассказал Наташе то, о чем не считал нужным говорить Анохину.

— Мы интересуемся жизнью Анохина гораздо больше, чем он думает, — закончил Евдокимов. — Именно потому, что он решил вновь стать человеком, за ним идет охота. Они его хотят убить за то, что он вырвался из их рук и чтобы припугнуть других, чтобы другим неповадно было

— Но чем же я могу быть полезна? — спросила Наташа, недоумевая.

— Многим, — ответил Евдокимов. — Вы осторожны и внимательны, это показало вчерашнее происшествие. Вот я

и хочу просить вас взять Анохиных под свое наблюдение, взять их, так сказать, под негласную опеку. Ваше дело — только присматриваться. Со стороны заметнее то, чего сами они могут не увидеть

Наташа задумалась.

— Трудная задача, — нерешительно произнесла она. — А если я не услежу?

— Да вы не подумайте, что я вверяю вам охрану жизни Анохина, — сказал Евдокимов. — Мы сами будем его оберегать, но вы можете нам помочь. Смотрите во все глаза. Это единственное, что от вас требуется, и в случае чего звоните мне, а если не будет уже времени, кричите изо всех сил!

Наташа улыбнулась.

— Как вчера?

— Да, как вчера, — серьезно сказал Евдокимов. — Вчера вы сделали большое дело.

— Но я ведь скоро пойду в школу — предупредила его Наташа.

— Ну и что из того? — сказал Евдокимов. — Ходите себе на здоровье, но только не забывайте о тех, кто находится с вами рядом.

11. Некролог без пяти минут

Не успел Евдокимов прийти на работу, как его вызвали к генералу.

— Уже два раза спрашивал, — сказал секретарь отдела лейтенант Мусатов. — Приехал ни свет ни заря, меня еще

не было, и сразу: "Где Евдокимов?"

— А в чем дело? — заволновался Евдокимов. — Не знаешь?

— Не говорил, — сказал Мусатов. — Но, я вижу, нервничает.

Евдокимов вздохнул.

— Докладывай.

Мусатов вошел в кабинет и тотчас вернулся.

— Заходи. Говорит, поздно приходишь.

Евдокимов вошел в кабинет.

Генерал сидел за столом и писал. Он не поднял головы при появлении Евдокимова, хотя не мог не слышать, что тот вошел.

Евдокимов ждал, когда генерал к нему обратится. В течение нескольких минут царило молчание.

Наконец генерал поднял голову.

— Ах, это вы, Дмитрий Степанович? — сказал он язвительно — любезным тоном. — Рад вас видеть!

Его тон не предвещал ничего хорошего: подчеркнутая любезность означала, что генерал не в духе. Он испытующе посмотрел на Евдокимова.

— Как там у вас? — спросил генерал.

— Насчет Анохина?

— Вы догадливы, — ответил генерал. — Совершенно верно, меня интересует ваш подопечный.

— О покушении на ребенка я вам докладывал, — сказал Евдокимов. — После этого не произошло ничего существенного.

— Наступило, так сказать, затишье? — спросил генерал. — Жадов на некоторое время притих и не подает признаков жизни?

— Так точно! Наступило некоторое затишье.

— Вы так полагаете? — спросил генерал с нескрываемой язвительностью.

— Так точно! — подтвердил Евдокимов, не понимая, почему генерал сердится.

— Ну — с, докладывайте, — сказал генерал. — Что же вы делаете?

— За Анохиным неотступно наблюдают два наших работника, — доложил Евдокимов. — Я тоже не выпускаю его из своего поля зрения.

— А Жадов? — нетерпеливо перебил генерал. — Я уверен, Жадов тоже неотступно кружит возле Анохина

Он взмахнул перед лицом Евдокимова какой-то газетой.

— Вы эту газетку знаете?

Он протянул газету Евдокимову. Это был номер "Посева", эмигрантской русской газетки, издаваемой в Западной Германии.

— Видеть ее видел, — сказал Евдокимов, — но вообще не читаю.

— И напрасно! — Генерал помахал перед собой пальцем. — Из этого поганенького листка можно извлечь кое — что полезное

Евдокимов ждал, что скажет генерал.

— Садитесь, садитесь, Дмитрий Степанович, — предложил ему генерал. — "Сейте разумное, доброе, вечное!" Вот "Посев" и сеет. Посмотрите на последнюю страницу, найдите там некролог

Евдокимов пробежал глазами по странице.

— "Смерть предателя"? — спросил он, прочитав один из заголовков.

— Да — да, — оказал генерал. — Прочтите и скажите мне, что вы думаете по этому поводу.

Евдокимов прочел статейку. Оказывается, она была посвящена Анохину. В статейке говорилось о том, что Павел Анохин, выдававший себя за деятеля русского национально — освободительного движения, оказался чекистским провокатором и по решению штаба повстанцев, активно действующих под Москвой, приговорен к смерти и казнен

"Так будет поступлено со всеми, — заканчивалась статейка, — кто вздумает изменить благородному делу освобождения России от ненавистного коммунистического ига".

— Ну — с, что вы по этому поводу скажете? — спросил генерал.

— Ерунда какая — то, — ответил Евдокимов. — Анохин жив и здоровствует. Обычная брехня!

— Нет, не брехня, — возразил генерал. — Они знают, что пишут. Если они пишут, что он убит, значит, они уверены в том, что он убит или будет со дня на день убит. Понятно? И если он в данную минуту еще не убит, его смерть ходит за ним по пятам. Это дело их престижа!

— В таком случае дело нашего престижа не допустить этого убийства, — сказал Евдокимов.

— Ага, это вы понимаете? — насмешливо произнес генерал. — Зачем же вы уверяете меня, что Жадова можно некоторое время не опасаться?

— Я сказал, что Жадов на некоторое время притаился, — поправился Евдокимов.

— Притаился, но не успокоился, — подчеркнул генерал. — Он готовится к прыжку, и смотрите, если вы не уследите

Генерал не договорил.

— Попробуйте еще раз прощупать явки, которые были даны Анохину, — посоветовал генерал. — Сейчас, в связи с появлением Жадова, возможна активизация — Он помолчал и вопросительно посмотрел на Евдокимова. — А что подельывает господин Эджвуд? По — прежнему увлекается фотографией?

— Что — то не слышно, — сказал Евдокимов. — В последнее время его вообще мало видно и слышно.

— Ну вот! — упрекнул его генерал. — Жадова не слышно, Эджвуда не видно, а Анохина со дня на день должны убить

Генерал порывисто повернулся к Евдокимову и бросил на него хитрый вопросительный взгляд.

— Вы, кажется, хотите что — то сказать?

— Так точно! — Евдокимов вытянулся в своем кресле.
— У меня появилась одна мысль, товарищ генерал, и я думаю

— Вот и отлично! — быстро перебил его генерал, продолжая хитро улыбаться. — Как говорится, мысли великих людей сходятся. Насколько я понимаю, господин Эджвуд будет торопить своего подручного. Им нужна смерть Анохина. Вы понимаете, она им очень нужна! Поэтому ваше положение особенно сложно, вы должны смотреть в обе стороны. Но если мы сумеем схватить этого господина за руку, мы попросим его убраться от нас восвояси

Генерал встал, вышел из — за стола и прошелся по кабинету.

Тотчас поднялся и Евдокимов.

— Вот об этом я и хотел вас предупредить, — сказал генерал. — Все это вы знаете, но они будут наращивать темпы, и я прошу вас быть начеку. — Он помедлил и добавил: — И еще есть одна загадка, которую нам никак не удастся решить

— Он вопросительно взглянул на Евдокимова. — Догадываетесь?

— Штаб? — спросил Евдокимов.

— Да, штаб, — подтвердил генерал. — Штаб, штаб штаб
Что это за штаб? С одной стороны, явная нелепость, а с другой Должно же что — то под этим скрываться? Дыма без огня не бывает.

Генерал прошелся по кабинету, остановился у окна, посмотрел на улицу.

— Так вот, Дмитрий Степанович, придется вам еще раз поискать штаб этих повстанцев. Быть может, они перешли на другую волну, на другие часы. Ищите!.. — сказал генерал, заключая разговор. — А что касается Анохина, вы обязаны сохранить его жизнь. Вы должны сделать все, чтобы этот некролог так и остался некрологом без пяти минут.

12. Каменный дождь

Наташа отнеслась к поручению Евдокимова очень серьезно, и все же для нее в нем заключался какой-то элемент игры.

До сих пор она жила только своей жизнью: она встречалась, знакомилась, общалась и интересовалась другими людьми лишь постольку, поскольку они имели какое-то отношение к ее собственной жизни, — а теперь ей приходилось интересоваться чужой жизнью, не имеющей никакого отношения к ее собственной, и ей это даже начинало нравиться.

Она прислушивалась к чужим разговорам, присматривалась к чужим делам; ее интересовало все, что окружало Анохиных; она была готова преградить дорогу каждому неожиданному посетителю и подозревать каждого прохожего, случайно замедлившего шаги около их квартиры.

Но незваные посетители не приходили и никто не задерживался возле окон!

Каждое утро она выходила погулять, очень рано, перед завтраком. Она называла это физкультурзарядкой. Она выходила вместе с Павлом Тихоновичем и шла с ним до завода. В переулке по утрам было пустынно и свежо. Наташа и Анохин шли рядом и болтали. Анохин охотно выходил вместе с Наташей: идти вдвоем было как-то спокойнее; он думал, что когда он с кем-то вдвоем, на него не решатся напасть. Сначала Наташа тоже воображала, что они идут вдвоем. Но потом начала примечать, что стоит Анохину появиться в переулке, как с обоих его концов

появляются две фигуры и следуют вместе с ними на протяжении всего пути. Они просматривали весь переулок. Тот, кто шел впереди, так соразмерял свои шаги, что всегда находился от них на одинаковом расстоянии. Может быть, потому, что их всегда сопровождали эти два человека, никто на Анохина и не нападал? Ведь если Наташа сумела их увидеть, значит, мог увидеть и тот, другой, которому поручено убить

С каждым днем чувство ответственности у Наташи как — то стиралось, спокойно текла жизнь, но зато появилась привычка выйти утром, не спеша дойти с Анохиным до завода и быстро вернуться домой. Даже Нина Ивановна, которая любила критиковать дочь, одобряла такой образ жизни.

В то утро, когда опять произошло чрезвычайное происшествие, нарушившее размеренный образ жизни Анохина, сначала все шло как обычно.

Павел Тихонович стукнул в дверь к Сомовым.

— Ты готова, Наташа?

Она тут же выскочила в переднюю.

— Угу!

Он помог ей надеть пальто: рука еще болела; швы сняли, но руку она носила на перевязи.

— Вы теперь мой постоянный кавалер! — засмеялась Наташа.

Они вышли на улицу.

Начинался сырой, промозглый день. Температура держалась где — то около нуля. В отдалении рассеивался белесоватый туман.

Наташа привычно оглянулась.

В конце переулка появился какой-то прохожий. Наташа подумала, что это один из тех, кто сопровождает их каждое утро.

Все шло как обычно.

Наташа заговорила о каких-то пустяках

Они миновали переулок и вышли на широкую новую улицу.

Собственно говоря, улица только возникла. По одной ее стороне уже высились многоэтажные новые дома, по другой — только строились.

На этой большой улице не было уже никакого тумана.

Было очень рано, рабочий день еще не начался, люди только выходили из домов на работу.

Анохин и Наташа шли как раз вдоль строящихся зданий.

Впереди кто-то шел, позади кто-то шел.

Нет, не так просто напасть здесь на кого бы то ни было! Наташа всматривалась во все, как вахтенный на военном корабле.

Впереди, очень высоко, на уровне седьмого или шестого этажа, висела деревянная люлька — пустая люлька, в ней никого не было: рабочий день на стройке еще не начался.

В висячей люльке не было ничего необычного, таких люлек много висело над тротуаром.

Анохин и Наташа неторопливо шли под ними.

И вдруг Наташа заметила, что люлька — именно та люлька, которая висела за несколько шагов от них и к которой они приближались, как — то странно колеблется

Наташа невольно отстала от Анохина.

Она задрала кверху голову.

Что там происходит?

Внезапно ей
показалось Нет,
ничего не показалось! Это была молниеносная реакция на молниеносное движение. Недаром Евдокимов выбрал ее себе в помощники

У нее была природная предрасположенность к этой опасной и нервной работе.

Наташа стремительно оттолкнулась от земли, как это делают спортсмены при прыжках в длину, подпрыгнула и здоровой рукой изо всех сил толкнула Анохина в спину и тут же с размаху уткнулась в него лицом.

И почти в то же мгновение за их спинами обрушилась люлька, под которой они только что проскочили, и целая груда кирпичей упала на тротуар.

— Что это?

Анохин обернулся. Он был бледен как мел.

— Ничего, — сказала Наташа, поднимая голову и смотря на груду только что обрушившегося кирпича. — Проскочили!

Двое прохожих, шедшие впереди и позади Наташи и

Анохина, почти мгновенно очутились возле них.

— Идемте, идемте! — воскликнул тот, что шел впереди, схватывая Анохина за руку и увлекая его вперед. — Нечего тут рассматривать.

Он быстро увлек Анохина за собой, а тот, что шел позади, не обменявшись с передним ни одним словом, сразу нырнул в калитку забора, опоясывавшего строящийся дом, и исчез на стройке.

Должно быть, обязанности между ними были заранее и очень точно распределены.

Только Наташей никто не интересовался.

Она стояла у груды разбитого кирпича, стояла, смотрела на кирпич и не понимала, каким это чудом не были разбиты головы ее и Анохина.

Везет иногда в жизни!

Тут же она сообразила, что люлька упала неспроста.

Вот как они охотятся за Анохиным!

Один из незнакомцев, сопровождавших Анохина, побежал искать того, кто это сделал

Наташа подумала, что она может ему понадобиться.

Ей было нехорошо, ее почему-то мутило. Она почувствовала тошноту, и ей стало страшно.

Она отошла за выступ забора и присела на глину, наваленную за выступом. Уходить было нельзя: она могла понадобиться. Она села и почувствовала, что у нее болит раненая рука.

Она не знала, сколько времени так сидела: секунду или пять секунд, минуту или пять минут Она услышала, как кто-то по доскам пробежал за забором и через калитку выбежал на улицу. Наташа подумала, что это тот, что шел позади нее и Анохина.

Она выглянула из — за своего выступа

Нет, этот был выше Она сразу его узнала. Это был тот самый человек, который хотел убить Машеньку. Вот теперь она могла бы его описать

И вдруг чувство бесконечного ужаса наполнило ее сердце. Стоит ей крикнуть, стоит показаться, и он убьет ее так же безжалостно, как намеревался убить Машеньку.

Наташа невольно отклонилась назад.

Где же тот, который побежал искать этого человека?

Пока тот занят поисками в громадном недостроенном доме, этот человек уйдет, и Наташа бессильна его задержать

Так и есть! Вот он подходит Нет, бежит!

Сейчас он ее увидит

Он пробежал, даже не посмотрев в ее сторону.

Бежит И никого, кто бы Он убежит! Вот он

поворачивает
Скроется
переулке
Скрылся.

сейчас

В

И никого нет.

13. Дядя Витя снова заболел

Каждое утро, отправляясь на работу, Евдокимов проезжал через переулок, где жил Роберт Д.Эджвуд. Евдокимова интересовало, не появился ли в одном из окон квартиры Эджвуда букет алых роз.

Появление букета означало, что вечером мистер Эджвуд будет в кафе на улице Горького, и Евдокимов полагал, что если мистер Эджвуд посетит кафе, он посетит его для того, чтобы встретиться там с мистером Жадовым.

Жадова, конечно, следовало арестовать, и если бы его удалось арестовать в обществе Эджвуда, помимо поимки Жадова, это означало бы и окончание деятельности самого капитана Эджвуда в Советском Союзе.

В тот день, когда букет снова появился в окне, Евдокимов доложил генералу свои соображения.

Однако генерал отнесся к предполагаемому аресту Жадова не слишком одобрительно.

— Если обстоятельства вынудят, берите, — согласился он. — Но это половина дела. Следовало бы все — таки выяснить, что представляет собою этот пресловутый штаб повстанцев, на который так часто ссылаются эмигрантские газетки и радиостанции.

Это было, так сказать, вынужденное согласие — генерал хотел от Евдокимова большего.

Евдокимов, по обыкновению, позвонил Галине: при ее

посредстве встречаться с Эджвудом было проще всего.

— Что вы сегодня делаете? — небрежно поинтересовался Евдокимов.

— Скучаю, — томно отозвалась она. — Роберт не показывается, вы меня забыли

— Галочка, не клеветите, — любезно возразил Евдокимов. — Вероятно, у мистера Эджвуда, как и у меня, много работы.

— Вечная отговорка мужчин! — недовольно сказала Галина. — Я это слышала уже много раз!

— Не сердитесь, Галочка, — нежно произнес Евдокимов. — Мы не принадлежим себе.

— Приходите к нам сегодня вечером посмотреть телевизор, — пригласила Галина. — Потом что —нибудь сообразим

Она не собиралась быть вечером в кафе, во всяком случае, Эджвуд ее туда не приглашал, иначе она сказала бы об этом Евдокимову. Это все, что ему было нужно выяснить. Эджвуд должен быть в кафе, в этом не могло быть сомнений, но если он не приглашал Галину, — значит, не хотел быть связанным; в иных случаях Галина служила Эджвуду отличной ширмой, но иногда могла и мешать. Если на этот раз Эджвуд хотел остаться свободным, не следовало связывать себя и Евдокимову.

— Увы! — сказал он, отклоняя ее приглашение "смотреть телевизор"; в Москве многие приглашали друг друга "на телевизор". — Рад бы в рай, но у нас сегодня в институте собрание

В крайнем случае, если он столкнется с нею в кафе,

можно будет сказать, что он удрал.

Евдокимов решил идти один. Лучше всего было бы вообще не попадаться на глаза Эджвуду, а если тот все же его увидит, Евдокимов притворится смертельно пьяным. Эджвуду нравилось видеть Евдокимова пьяным, и он всегда подзадоривал "своего русского друга" пить побольше.

Евдокимов так и не принял никакого решения относительно Жадова, братъ его или не братъ, он предполагал решить это на месте, в зависимости от обстоятельств

Но, не зная еще, что он предпримет, Евдокимов подготовился к операции.

Машина с тремя оперативными работниками должна была наготове стоять возле кафе, с тем чтобы в случае надобности Евдокимов мог немедленно воспользоваться необходимой помощью.

В своей попугаичьей одежде Евдокимов мало чем отличался от стилиг, сидевших за соседними столиками.

Играть свою роль следовало с самого начала. У Эджвуда здесь могли быть свои соглядатаи, и какая — нибудь мелочь могла провалить все дело.

Евдокимов сел за столик и заказал кофе и коньяк; коньяк, рюмку за рюмкой, он слил в кофейную гущу; ему всегда удавалась роль сосредоточенного пьяницы.

Он исподволь рассматривал посетителей. К его неудовольствию, на этот раз их было не так уж много. Развязные мужеподобные барышни с растрепанными волосами и претенциозные женственные юноши вели шикарную жизнь. Несколько мрачных иностранцев были явно удручены высокими ценами на вина. Несколько забуддыг, любящих выпить именно там, где берут подороже, пили разноцветные напитки. Сидели еще два или три

случайно
человека

забредших

Музыканты играли западные танцы с таким видом, точно играли ни для кого, они также прилежно и равнодушно играли бы и в совершенно пустом помещении.

Евдокимов держал перед собой рюмку с коньяком и сосредоточенно ее рассматривал. На самом деле его взгляд незаметно скользил от посетителя к посетителю.

"Вдруг", "внезапно", "неожиданно" не были теми словами, какие могли бы характеризовать действия и реакции Евдокимова, но его наметанный глаз сразу остановился и выхватил из всех посетителей кафе высокого смуглого человека, сидевшего за столиком у окна, неподалеку от выхода.

Он ел какое — то мясо, пил водку, был хмур, спокоен, ни на что не обращал внимания.

"Жадов", — решил Евдокимов. Он был именно таким, каким его описывал Анохин, только, пожалуй, в жизни он был посильнее и пострашнее того Жадова, каким он представлялся Евдокимову.

"Да, этого взять непросто, — подумал Евдокимов, — к такому с голыми руками не подойдешь, этот дешево себя не отдаст".

Евдокимов вертел в руках рюмку, а сам рассматривал Жадова. В нем было что — то звериное, волчье: он ни на кого не смотрел, но у него все время слегка шевелились уши. И Евдокимов понимал, что эти чуткие звериные уши ни на мгновение не перестают наблюдать за окружающим его миром, слышать все, что происходит вокруг, и не пропустят мимо себя ни малейшего дуновения опасности.

Евдокимов склонил голову к столу, казалось, он вот — вот положит голову на руки и заснет. В двери кафе вошел

Эджвуд. Но скрыться от него было нелегко. Неторопливо, точно фланируя в погожий день по бульвару, он пошел мимо столиков, окидывая каждого посетителя небрежно — внимательным взглядом.

Куда же тут было от него деться?

— Вы тут, Деметрей? — услышал Евдокимов над собой.

Он поднял голову.

Эджвуд стоял возле столика. На его лице сияла приветливая улыбка, но где-то в глубине серовато-голубоватых глаз таилось холодное недоверие. В этом Евдокимов обмануться не мог, ему приходилось общаться с самыми разнообразными людьми, и он научился определять их отношение к себе. Чем-то он возбудил в Эджвуде недоверие.

Эджвуд был холоден, вежлив, насторожен. С таким Эджвудом нельзя было переигрывать; одно неверное движение или слово — и он очутится у этого Эджвуда как бы на ладошке.

Евдокимов не стал делать вид, что очень пьян.

— Сижу и жду вас, Роберт, — сказал он почти грубо.

— Меня? — удивился Эджвуд.

Такого ответа он не ожидал.

— Вас, Роберт, — повторил Евдокимов. — Я давно уже сижу здесь и жду.

— А откуда вы знали, что я буду? — подозрительно спросил Эджвуд.

Евдокимов посмотрел Эджвуду в глаза.

— Мне сказала Галина, — заявил он. Ссылка на Галину была совершенно безответственна: Галина могла сказать что угодно.

Не ожидая приглашения, Эджвуд сел возле Евдокимова.

— Что вам от меня надо? — спросил он.

Эджвуд был в очень деловом настроении.

— Я хочу говорить с вами по поводу Галины, — сказал Евдокимов.

Эджвуд даже слегка удивился:

— По поводу Галины?

Говорить о том, что он влюблен в Галину, Евдокимов считал нелепым: Эджвуд не такой человек, чтобы верить в какую-то там любовь, да и сам Евдокимов не мог пойти на такую очевидную ложь — она была бы заметна. Евдокимов был убежден, что любить такую пустую дуру невозможно.

Но у него был ход похитрее.

— Вы знаете, что отец Галины — крупный правительственный чиновник? — спросил он Эджвуда.

— Но какое отношение я имею к ее отцу? — спросил Эджвуд.

— Самое непосредственное, — сказал Евдокимов. — Вы мешаете мне жениться на Галине. Женитьба на Галине обеспечит мою дальнейшую карьеру, а вам она в общем не нужна

Евдокимов увидел, что он купил, купил мистера Эджвуда!

Глаза Эджвуда загорелись металлическим блеском.

— Мне нравится такой откровенный мужской разговор!
— воскликнул он. — И я вам сочувствую, Деметрей. Но, как вы понимаете, ничто не продается даром, особенно женщина. Вы хотите Галину? Я вам ее даю. Но взамен вы даете мне — На мгновение он остановился и все — таки решился, сказал то, что ему давным — давно хотелось сказать "своему русскому другу", о котором он имел совершенно превратное представление. — А взамен вы будете давать мне копию плана научных исследований вашего института.

Он захохотал и дружески похлопал Евдокимова по плечу.

— Так идет?

— Ну, знаете ли — сказал Евдокимов. — Это я еще должен

Эджвуд быстро взглянул на часы.

— Ничего, — сказал он. — Сейчас я очень тороплюсь, но мы будем продолжать наш разговор. Я уверен, что мы как это по — русски?.. Да — сторгуемся!

Он поднялся и опять неторопливо пошел вдоль столиков.

Теперь Евдокимов мог открыто следить за своим счастливым соперником.

Вот Эджвуд задержался около Жадова

Однако он нахален, этот Эджвуд!

Жадов что — то сказал, и Эджвуд что — то

сказал

Вот Эджвуд пошел уже дальше, завершил свой круг по залу и вышел в гардероб.

Следовало ждать, что теперь поднимется Жадов и выйдет вслед за Эджвудом.

Он так и поступил. Поднялся и пошел к выходу.

Евдокимов считал себя вправе побежать и настигнуть Эджвуда, тем более что разговор о Галине у них не был закончен
Нельзя было упускать эту пару.

Евдокимов торопливо прошел через зал. Эджвуда не было. Жадов, одетый, в пальто, выходил в наружную дверь

Нельзя было их упускать!

Евдокимов помедлил несколько секунд, чтобы не налететь на Жадова, и, не одеваясь, выскочил на тротуар и отбежал в сторону, в тень, делая вид, точно кого-то ищет

Эджвуда не было. Жадов стоял против кафе, посреди тротуара, и чего-то ждал. У самого тротуара стояла машина Эджвуда

Эджвуд обыкновенно сам водил свою машину.

Дверца ее открылась, из машины выглянул Эджвуд.

— Виктор! — позвал он.

Жадов двумя шагами пересек тротуар и быстро влез в машину. Дверца захлопнулась.

Евдокимов подскочил к своей машине.

— Быстро! — сказал он Андрееву, шоферу, с которым вместе выследил не одного преступника. — Видишь — впереди?

Они поняли друг друга с полуслова.

— Не отставай! — сказал Евдокимов. — Может быть, одного сегодня возьмем.

Андреев включил мотор.

Но Эджвуд вовсе не торопился, он не спеша тронулся с места и аккуратно завернул на Моховую.

Евдокимов раздумывал: брать Жадова или не брать? Где — нибудь да должен будет Эджвуд его высадить

Эджвуд ехал домой. Въехал в переулок, где находилась его квартира

Андреев следовал за Эджвудом.

Эджвуд остановился у своего дома. Вылез из машины, вошел в парадное.

Он всегда делал так, когда сам вел машину.

Из дома должен был выйти один из его лакеев и загнать машину в гараж, находившийся во дворе дома.

Андреев подъехал почти вплоты к машине Эджвуда и слегка затормозил. Евдокимов распахнул дверцу и заглянул в машину Эджвуда, — в ней не было никого.

Евдокимов догадался об этом до того, как заглянул в машину, и мог бы догадаться об этом еще раньше: слишком уж спокойно вел себя Эджвуд.

— Ну что? — спросил Евдокимова один из его спутников.

— Ничего! — сердито сказал Евдокимов.

— Где же он успел выскочить? — удивился Андреев.

Евдокимову все стало понятно.

— А он нигде не выскакивал. Этот тип влез в машину, они на ходу о чем-то условились, и через другую дверь тут же на глазах у нас, ротозеев, скрылся в толпе.

14. Нейлон, неон и не он

Больше розы в окне квартиры Эджвуда не появлялись, а сам Эджвуд не появлялся ни в каких кафе.

Сделал ли он какие-то сопоставления, казалось бы, случайных встреч или что-либо еще показалось ему подозрительным, но с горизонта Евдокимова он исчез.

Лишь из телефонных разговоров с Галиной Евдокимов знал, что Эджвуд проводит с ней еще больше времени, чем раньше. Чем-то Галина устраивала Эджвуда!

По-видимому, своей девственной глупостью. Галина была так увлечена собственной особой, что ничего не замечала вокруг; люди, которые видят только самих себя, иногда служат отличной ширмой для тех, кто делает за их спиной всякие темные делишки.

Но в Галине нуждался и Евдокимов: у него не было иной возможности подобраться к Эджвуду — этому ловкому и скользкому авантюристу с улыбающейся и самодовольной сомовьей мордой. А от него тянулась ниточка к Жадову, а может быть, и к кому-нибудь еще.

Иным путем Жадова, пожалуй, и невозможно было найти. Он юлил, петлял, скрывался среди огромного

множества людей, хитрый, опытный, дерзкий. В толпе он был недосыгаем для поисков, как песчинка на дне океана.

Галина была для Евдокимова мостиком к Эджвуду,
Эджвуд мог привести к
Жадову

Вот почему о Галине Евдокимов думал сейчас больше, чем думают о любимой девушке.

Ведь скроена она не на какой-то особый манер; родители у нее хорошие, училась в советской школе, голова на плечах самая обыкновенная, человеческая

То, что превратило ее в смешную пустышку, заключалось не в ней самой, а пришло откуда-то извне; виноваты, конечно, в этом были все — и сама Галина, и родители, и школа

Ее родители были слишком обременены служебными делами. Евдокимову уже приходилось сталкиваться с такими очень занятыми родителями, когда их детей уличали в неблаговидных проступках; слишком много рассуждали они о воспитании всего поколения, и поэтому у них не оставалось времени подумать о воспитании собственных детей!

“Эх, будь я ее отцом, — думал Евдокимов, — выдрал бы я ее раз — другой, узнала бы она у меня, где раки зимуют, и сразу взялась бы за ум. А то что это такое: “Галочка, не утомляйся!”, “Галочка, не изводи себя!”, “Галочка, ешь побольше фруктов!”, “Галочка, не промочи ножки!”. Противно слушать! По мнению Евдокимова, в воспитании Галочки недоставало палки.

Но Галина была ему необходима, он нуждался в ее помощи, и он решил самолично возместить пробел в ее воспитании.

Наживку он придумал самую подходящую для нее.

Он, как обычно, вызвал ее по телефону:

— Галочка?

— Дмитрий Степанович, мне скучно!

— Подите и погуляйте.

— Я еще не одета.

— Да ведь двенадцать часов!

— Я легла в пять

Такой разговор мог продолжаться бесконечно; Евдокимов сразу взял быка за рога.

— Галочка, у вас есть неоновая блузка? — спросил он.

— Вы хотите сказать "нейлоновая"? — поправила она Евдокимова.

— Я хочу сказать то, что говорю. Именно неоновая.

— Я не понимаю, — сказала Галина. — Есть перлон, нейлон

— Вчерашний день, — пренебрежительно сказал Евдокимов. — Перлон и нейлон уже выходят из моды, в Америке все кинозвезды носят кофточки только из неона.

— Неон
Неон — Галина задумалась. — Это стекло или дерево?

— Это газ, — ответил Евдокимов. — Благородный газ.

Им пользуются для рекламы. Видели светящиеся вывески?

— Ах, да—да! — вспомнила она. — Аргон синий, а неон красный, я не ошибаюсь? Так вы говорите, неон?

— Я говорю, из неона делают кофточки, — сказал Евдокимов.

— Красные? — замирающим голосом спросила Галина.

— Всякие, — ответил Евдокимов. — Ни одна порядочная девушка не может обойтись в наши дни без неоновой блузки.

— Но где же ее взять? — жалобно пролепетала Галина. — Я не знаю.

— А я знаю, — категорически заявил Евдокимов. — У нас в институте. Один наш сотрудник только что вернулся из Америки и привез несколько неоновых кофточек. Ему срочно нужны деньги, и я сразу вспомнил о вас.

— Ох! — у Галины даже голос перехватило от волнения. — Вот теперь я вижу, что вы мне друг. Вы скажите, чтобы он никому не отдавал. Я возьму все. Как мне с ним встретиться?

— У нас в институте, — сказал Евдокимов. — Но учтите, он очень торопится.

— Голубчик, Дмитрий Степанович, я сейчас оденусь! — взмолилась Галина. — Куда приехать?

— Никуда, — ответил Евдокимов. — Я сам за вами заеду.

— Ах, благородный газ! — заверещала Галина. — А вы сами видели? Что—нибудь особенное?

— Видел, особенное, — сказал Евдокимов. —

Одевайтесь, я сейчас приеду.

Он дал ей пятнадцать минут на сборы. Галина так заинтересовалась новинкой, что не заставила себя ждать. В машине она нежно пожалала Евдокимову руку.

— Ах, Дмитрий Степанович, я этого никогда не забуду

Они подъехали к учреждению Евдокимова.

— Выходите, — сказал он ей.

Они вышли.

— Разве это институт? — спросила Галина. — Куда вы меня привезли?

— Куда надо, — ответил Евдокимов. — Входите.

— Запомните, — вызывающе сказала Галина, если кофточек не будет

— Будут вам ваши кофточки! — сказал Евдокимов и отворил дверь. — Входите же!

Они вошли в подъезд. У входа стоял вахтер; сбоку у него на ремне висела кобура с пистолетом. Евдокимов показал свой пропуск. Вахтер козырнул.

Евдокимов небрежно кивнул в сторону Галины.

— Эта со мной

Они поднялись в лифте. Пошли по коридору. Евдокимов открыл дверь своего кабинета.

— Заходите.

Они вошли в кабинет. Евдокимов указал Галине стул возле стола, сам сел за стол.

— Садитесь.

Галина села. Она уже сообразила, что никаких кофточек ей здесь увидеть не придется.

— Дмитрий Степанович, что это значит? — строго спросила она. — Куда это вы меня привезли?

Он сказал ей куда. Она вдруг заговорила несвойственным ей языком.

— Сейчас же меня отпустите, мне здесь делать нечего, — надменно заявила она. — Я честный советский человек

— Молчите! — приказал ей Евдокимов.

Она заморгала, точно рассматривала Евдокимова сквозь покрывающую ее глаза пелену.

— Вы паразитка, сидящая на шее у своих родителей, вот кто вы такая, — холодно произнес Евдокимов.

— Как вы смее! — сказала ему Галина, хотя голос ее звучал не слишком уверенно. — Сейчас же уведите меня отсюда!

— Сидите и молчите! — прикрикнул на нее Евдокимов.

Галина обиженно поджала губы.

В комнате наступило напряженное молчание. Евдокимов молчал, молчал нехорошо, мрачно, неприязненно.

Это молчание тягостно действовало на Галину. Лучше бы он о чем —нибудь ее

спрашивал
Лучше бы ругался!

— Значит, вы не тот, за кого себя выдавали? —
связвила Галина, пытаясь прервать молчание. — Теперь я
вижу, какой вы
физик

— Да помолчите же! — сердито произнес Евдокимов.

Оставалось только оскорбиться и молчать. Галина это и
сделала. Она замолчала. Она решила не проронить больше
ни слова. Не скажет ни слова, если даже Евдокимов будет ее
о чем-нибудь спрашивать. Она тоже поиграет на его
нервах.

Но Евдокимов ни о чем ее не спрашивал. Он сидел и
молчал. Чего он от нее хочет? Это было
невыносимо

Сколько прошло времени? Как назло, Галина впопыхах
забыла надеть часы. Десять минут, час, сто? Чего ему от нее
надо?

— Может быть, вы даже и не Евдокимов? — нарушила
она молчание.

— Молчите! — сказал он и опять замолчал.

Нигде никаких
часов Тишина.

Галине показалось, что она слышит тиканье каких-то
часов.

Раз, два, три, четыре,
пять

Она принялась отсчитывать секунды. Досчитала до
тридцати четырех и сбилась со счета. А может быть,

никаких часов нет и это ей просто кажется?

Нет, в самом деле, чего он от нее хочет?

— Вы меня гипнотизируете? — жалобно спросила она.

— Молчите, — повторил он.

Черт проклятый! Вот вляпалась она в историю Для чего он сюда ее привез?

Она покупала контрабандные чулки Нужны ему эти чулки! Она дала Лизе денег, чтобы та могла их кому-то сунуть и не поехать после окончания института на периферию Нужна ему эта периферия, да он и не может знать, что она давала Лизе деньги

Господи, хоть бы он о чем-нибудь ее спросил!

Это все из-за Роберта. Из-за этих проклятых танцев

Зачем она ездила в это отвратительное кафе на улице Горького и болталась там с иностранцами?.. Дура несчастная!

И в самом Эджвуде нет ничего хорошего Зачем она только с ним таскается?

Отец звал ее с собой на охоту, так она с ним не поехала, а с этим Эджвудом таскается под Москвой на лыжах, и он же жрет ее шоколад Он потому с ней и таскается, что она дочь ответственного работника Куда

они ни забредут, где их ни спросят, "ах, я дочка Вороненко!", все извиняются, ему это очень удобно

Черт проклятый, да заговори же ты наконец!

И Галина не выдержала.

Она
заревела

Заревела по — настоящему, по — всамделишному., без ахов и охов, без закатывания глаз, так, как она редела в детстве, когда ребята тузили ее за то, что она показывала им язык!

— Неоновая кофточка понадобилась? — заговорил, наконец, Евдокимов. — В обыкновенных ходить не можете? Нет, таких кофточек еще не придумали. А заработали ли вы хоть на самые простые чулки? Подавай перлон, нейлон А известно вам, что вы всего в двух минутах от тюрьмы? Известно, чем занимается ваш Роберт? Грязный шпион, вот он кто, этот Роберт! А вы его соучастница. Молчите, молчите, не возражайте! Я вам покажу, чем вы занимаетесь.

Он полез в стол и достал оттуда завязанную папку.

— Вот, смотрите, — сказал он, развязывая шнурки и доставая из папки какие-то фотографии. — Галина Вороненко у реки. А что сзади? Железнодорожный мост. Галина Вороненко в поле. Бабочек ловит! Цветочки собирает! А сзади — вон, видите, завод. Очень важный завод. Галина Вороненко мчится с горы на лыжах. А вдалеке аэродром. Да, да, вы и не знали даже, что это аэродром, а это аэродром! И все эти снимки сделаны с помощью Галины Вороненко. Железнодорожный мост, оборонный завод, учебный аэродром. Очень ему нужна Галина Вороненко! Такими, как вы, хоть пруд пруди!

Он показал ей снимки.

— Он их отправил с кем надо и куда следует, — объяснил Евдокимов. — Это копии с них.

Евдокимов укоризненно покачал головой.

— “Я Вороненко, я Вороненко”! — передразнил он ее. — А теперь вот, смотрите, чем занимается эта Вороненко

Галина полезла в сумочку, вытащила носовой платок, решительно обтерла лицо; ее платочек сразу стал похож на тряпку, какой художники вытирают свои кисти.

— Дмитрий Степанович, — сказала она хриплым голосом. — Не надо. Я больше не буду.

— Ну а что вы будете?

— Я пойду работать.

— Врете.

— Честное слово!

— Да вы ничего не умеете делать! Вы пуговицы себе не можете пришить.

— Увидите. Я не хочу, чтобы папа имел из-за меня неприятности.

— Вы даже стирать не умеете.

— Я буду стирать. Вот увидите.

— Вам подавай только перлоны да нейлоны.

— Да я теперь Роберта на выстрел к себе не подпущу. Честное слово, я с ним больше не встречусь!

— Э, нет, так нельзя, — возразил Евдокимов. — Наоборот, встретитесь и поможете мне, нам, своему папе.

— Да мне Эджвуд не нужен совсем! — воскликнула Галина. — Пропади он пропадом!

— И мне не нужен, — сказал Евдокимов. — Но зато очень нужно выяснить, чем он занимается.

— Во всяком случае, когда бывает со мной, занимается не шпионажем.

— Вы дура, Галочка, — мягко возразил Евдокимов.

Он вышел из — за стола и сел с ней рядом.

— Расскажите мне, как вы проводите с ним время, — попросил ее Евдокимов. — Что делаете, где бываете — все.

— Ну, как
— смутилась Галина. — Он катает меня в машине. Ездим за Москву. Иногда берем с собой лыжи. Ходим по лесу. Потом завтракаем.

— Пьем коньяк, — добавил Евдокимов, — фотографируемся

— Нет, после того как у него были неприятности, он теперь мало снимает, — сказала Галина. — Он теперь увлекается радио

— То есть как это "увлекается радио"? — заинтересовался Евдокимов. — Слушаете передачи?

— Нет, он любитель — коротковолновик, — объяснила Галина. — У него в машине приемник, и он говорит, что в отдалении от Москвы помех гораздо меньше.

— А куда вы ездите? — спросил Евдокимов.

— Чаще всего вдоль Курской дороги, — сказала Галина.
— Там удивительная природа.

— Станция Льговская? — быстро спросил Евдокимов.
— Деревня Тучково?

— А вы откуда знаете? — удивилась Галина. — Вы что, следите за мной?

— За кем же мне еще следить? — насмешливо сказал Евдокимов. — Я же в вас влюблен!

— А может быть, вы и в самом деле меня ревнуете? — спросила Галина, впадая вдруг в прежний тон и прищуривая глаза.

— Перестаньте ломаться, я уже сказал! — одернул ее Евдокимов. — Говорите: часто вы туда ездите?

— Ну, это зависит от того, как складываются у Эджвуда дела, — объяснила Галина. — По вторникам обязательно, во вторник у него выходной.

— И в этот вторник он тоже собирался ехать с вами за город? — осведомился Евдокимов.

— Разумеется, — сказала Галина.

— И вы будете ходить на лыжах? — спросил Евдокимов.

— Если я захочу, — сказала Галина и повторила: — Если захочу.

— Так вы захотите. Понятно?

— Нет. Почему это я захочу?

— Потому что так нужно, — наставительно пояснил Евдокимов. — Вы поедете с ним за город, пойдете на лыжах, уйдете как можно дальше от машины

Он испытующе посмотрел на Галину.

— Вам действительно отец дороже этого Эджвуда? — серьезно спросил он.

— Ну как вы можете об этом спрашивать! — воскликнула Галина. — Отец — и какой — то

Она не нашла подходящего слова.

— Так вот, — сказал Евдокимов. — Уйдите подальше от машины и любыми средствами задержите Эджвуда около себя.

Галина с интересом посмотрела на Евдокимова.

— Это очень важно? — спросила она, обретая прежнюю самоуверенность.

— Да, — сказал он. — Очень. Захватите с собой часы. От пяти до шести вы и Эджвуд должны находиться далеко от машины. Обманите его, сделайте вид, что повредили себе ногу, но сумейте задержать. Это будет для вас проверкой, мы увидим, действительно ли вы дочь своего отца.

— Для этого мне не понадобится ломать себе ноги, — самоуверенно сказала Галина. — Увидите!

— Увидим, — сказал Евдокимов. — Помните, во вторник от пяти до шести, и смотрите, не вызовите в своем друге каких-либо подозрений, иначе нам обоим с вами несдобровать.

15. Загородная прогулка

Эджвуд свернул на проселочную дорогу на семьдесят третьем километре.

Он выехал из Москвы вдвоем с Галиной в полдень. Эджвуд сам вел машину, Галина сидела рядом. Оба были в лыжных костюмах. Погребец с провизией лежал на заднем сиденье. Лыжи были укреплены сверху, там было устроено для этого особое приспособление.

В лесу было тихо. Зима стояла мягкая, с частыми оттепелями. Снег на ветвях таял, к вечеру начинал дуть северный ветерок, подмораживало, ветви покрывались ледяной коркой. Деревья казались хрупкими, сказочными. Ели, не часто попадавшиеся между берез, походили на каких — то мохнатых чудовищ. Воздух был свежий и резкий.

Километрах в четырех от шоссе, там, где проселок разветвлялся и один из его рукавов углублялся в самую чащу, Эджвуд остановился.

— Здесь, — сказал он. — Мне здесь нравится, а вам?

— Все равно, — сказала Галина. — В лесу везде хорошо.

— Будем немножко завтракать? — спросил Эджвуд.

— Я не проголодалась, — сказала Галина.

— Нет, будем немножко есть, — сказал Эджвуд.

Он достал из погребца несколько сэндвичей, приготовленных одним из трех его лакеев, и налил коньяку в две серебряные стопки.

— Прошу! — пригласил он Галину картинным жестом. — Маленький аперитив перед прогулкой.

Он выпил, и Галина тоже выпила, хотя она не любила

коньяк. Эджвуд принялся смачно жевать свои бутерброды, почти все бутерброды съел он один. Потом взял Галину за руку.

— Поцелуйте меня, — сказал он. — Это будет самый восхитительный десерт!

— Я не хочу, — сказала Галина и позволила себя поцеловать.

Роберт стал ей противен, но она не могла сорвать прогулку. Раньше она почему — то не замечала его пошлости.

— Зимний романс! "And whispering: "I will never ne'er consent", — consented" [1] , — воскликнул он на своем родном языке, удовлетворенно смеясь. — Вы поступаете совсем так, как писал Байрон!

Он швырнул в снег остатки пищи, убрал стопки и принялся отвязывать лыжи.

— Отлично, — сказал он самому себе.

— Что "отлично"? — спросила Галина.

— Все, — сказал Эджвуд и протянул Галине лыжи. — Надевайте, дорогая, будем делать небольшую тренировку.

Он встал перед Галиной на колени и подтянул ремни на ее лыжах.

— Сегодня вы меня не догоните! — воскликнула Галина. Она любила подразнить.

— Я даю вам десять минут форы! — серьезно крикнул он ей вслед и посмотрел на часы.

Он честно выждал десять минут и побежал по лыжне, проложенной Галиной.

Галина мчалась сломя голову. Вниз с холма, вверх, опять
вниз Легкий
резковатый ветерок дул ей в лицо, румянил щеки, играл
прядкой волос, выбившейся из — под синей вязаной
шапочки. Ей хотелось, чтобы этот развязный и
самодовольный тип не в силах был ее
догнать Она
палками отталкивалась от наста и неслась.

Где — то позади, очень далеко, кто — то
кричал Это,
конечно, кричал Эджвуд, но она не обернулась, не
откликнулась, все бежала, бежала, благо полю не видно
было конца. Но он все — таки нагонял ее.

— Галина! — услышала она его крик.

Он был еще далеко, но приближался.

— Остановитесь! — кричал он. — Мы не можем
уходить так далеко!

Она не остановилась. Пусть догонит!

— Остановитесь!

В его голосе звучало раздражение, Эджвуд начинал
злиться.

Поле шло под уклон, бежать по насту было легко,
привольно. Галина подняла палки и старалась только не
упасть.

Она опять ушла от
Роберта Сейчас
он закатит ей скандал! Он ужасно противный, когда
злится!..

Галина скатилась с пригорка и остановилась.
Посмотрела на часы. Четверть

пятого

При всем старании раньше чем через час обратно до машины они не доберутся. Но она постарается задержать своего спутника по крайней мере еще на час.

Она не простит ему эти снимочки! Мосты, аэродромы, заводы, а Галина — только для декорации!

Евдокимов еще благородный человек, что не показал эти фотографии отцу. Отец ее очень любит и балует, но эти снимочки он ей, пожалуй, не простил бы. Такой важный, спокойный, в хорошо отутюженном костюме, в роговых очках, с тщательно повязанным галстуком, он, вероятно, сразу перестал бы быть похожим на самого себя, вернее, стал бы похож на того Вороненко, каким он выглядит на любительской фотографии, снятой в девятнадцатом году. На этом снимке он худой, злой, неумолимый! Галина не хотела бы видеть его таким. Она думает, что если бы Евдокимов показал отцу эти снимочки, он бы ее побил. Взял бы старую нагайку, которая валяется среди всяких его реликвий, и драл бы ее, драл как сидорову козу

Нет, Евдокимов — благородный человек, и она обязана выполнить свое обещание.

Галина откинула от себя одну лыжу, подвернула ногу и легла на снег. Как раз вовремя!

Господин Эджвуд появился на пригорке. Он посмотрел вниз и через пять секунд стоял возле Галины.

— Что с вами? — спросил он. — Вы упали?

— Вы же видите! — сердито ответила Галина. — Глупый вопрос!

— Вставайте и идите обратно, — сказал Эджвуд, не скрывая своего раздражения. — Темнеет, и нам надо быстро добраться до машины.

— Не могу, — сказала Галина. — Я подвернула ногу.

— То есть как это “не могу”?! — закричал Эджвуд. — Что значит “подвернула”?

— Ну вывихнула, — сказала Галина. — Растяжение связок.

— Хорошо, — торопливо сказал Эджвуд. — Я пойду к машине и быстро привезу доктора.

— А я буду здесь лежать и замерзать? — сказала Галина. — Как бы не так!

— А вы хотите, чтобы мы сидели и замерзали вдвоем? — разозлился Эджвуд. — Я хочу доставить вам помощь.

— А я вас не отпущу, — решительно сказала Галина. — Одна я здесь не останусь.

— Но что же делать? — сказал Эджвуд. — Не будьте женщиной!

— А кем же мне прикажете быть? — закричала на него Галина. — Снимайте лыжи и обнимите меня, с вашей помощью я как — нибудь дотащусь

— Вы в уме?! — завопил Эджвуд, теряя хладнокровие. — Мы с вами три часа будем тащиться до машины!

— Ну и что из этого? — сказала Галина. — Вы же говорили, что любите меня!

— Но я тороплюсь! — взвыл Эджвуд. — Мне нужно быть у машины, в пять часов меня будет вызывать один австралийский любитель!

— Ну и черт с ним, с вашим любителем! — равнодушно

сказала Галина. — Неужели этот любитель вам дороже меня?

— Вот что! — решительно заявил Эджвуд. — Я побегу к машине, а через час вернусь за вами обратно!

— Посмейте только! — пригрозила Галина. — Сегодня же вечером мой отец будет знать, что вы променяли меня на свою австралийскую радиосвязь, а завтра об этом будет знать вся Москва!

Эджвуд неистовствовал. Ему ужасно хотелось уйти, Галина это отлично видела, у него земля горела под ногами. Однако он не решался.

— Но я вернусь за вами! — выкрикнул он в отчаянии.

— Я еще не знаю, имеете ли вы вообще право таскать свою радиостанцию за собой в машине, — раздраженно сказала Галина. — Извольте ли видеть, я буду валяться на снегу, а он будет разговаривать в это время с какими-то австралийцами!

— Молчите! — закричал Эджвуд. — Я остаюсь!

Галина подумала, что если бы она была дочерью не Вороненко, а какого-нибудь мелкого служащего, Эджвуд ее не только бросил бы, но, пожалуй, и убил

“Знаем, с какими австралийцами вы беседуете”, — хотелось ей сказать, но она вовремя вспомнила совет Евдокимова и сдержалась.

Эджвуд подошел к ней.

— Вставайте

Она уцепилась за него, заохала.

— Держитесь за меня, — сказал он и потащил ее в гору.

— Я так не могу, — заныла Галина. — Вы меня не жалеете, мне больно.

Эджвуд покорился. Он пошел с ней, как с ребенком, которого впервые обучают ходить.

Галина осторожно прихрамывала и размышляла, не поступить ли ей в театральную студию: ей казалось, что у нее обнаружались незаурядные актерские способности.

Эджвуд был недоволен собой. Он раздумывал о том, что его, вероятно, уже разыскивают в эфире. Такая неаккуратность с его стороны была непростительна для разведчика.

Сизые тени бежали по снегу. Небо темнело ужасающе быстро. Когда они наконец дотащатся до машины, тот, другой, откажется от своих поисков.

Галина тяжело висела на его руке. Эджвуд никогда не думал, что наступит момент, когда он сможет сравнить эту девушку с мешком кукурузы.

Он опять вспомнил первую песнь "Дон — Жуана".

— "Man's love is man's life a thing apart" [2], — уныло продекламировал он.

— Что — что вы говорите? — поинтересовалась Галина.

— Вспоминаю Байрона, — сказал он с грустью.

Сумерки становились все гуще. Мороз начинал пощипывать щеки. Снег хрустел под ногами. Галина еще плотнее прижалась к Эджвуду и стала еще тяжелее.

— Вы рады, что вы со мной, Роберт? — ласково спросила она. — Посмотрите, какая кругом поэзия!

Она смотрела прямо перед собой и не видела его взгляда.

— "It is not poetry, — пробормотал он, — but prose run mad" [3].

16. Разведка в лесу

Непросто было организовать наблюдение за машиной Эджвуда, непросто было следовать за ним, чтобы он об этом не подозревал, не так просто было найти в лесу его машину и самому остаться невидимым.

Но самым важным было заметить, где Эджвуд свернет с шоссе.

Эджвуд свернул на проселочную дорогу на семьдесят третьем километре.

Евдокимов ехал километрах в десяти позади Эджвуда.

В этот день регулировщиков уличного движения было на шоссе больше обычного.

Через каждые пять километров Евдокимов вопросительно взглядывал на милиционера — орудовца, в ответ тот слегка кивал, и Евдокимов уверенно ехал дальше.

Но когда он поравнялся с дорожным столбиком, отмечавшим семьдесят пятый километр, милиционер в ответ на его взгляд отрицательно покачал головой.

Надо было поворачивать обратно. На протяжении последних пяти километров от шоссе отходили три проселочные дороги, но только на одной из них был замечен свежий след легковой машины. Ясно, что Эджвуд свернул

сюда.

Евдокимов захватил с собой короткие охотничьи лыжи.

Он вылез, приказал шоферу доехать до ближайшей деревни и там его ждать, а сам сошел с шоссе, надел лыжи и пошел прямо по снегу, по обочине дороги. Чуть подальше он углубился в лес, стараясь держаться поближе к кустам, и шел наклонясь, готовый в любой момент нырнуть за молодую ель или куст можжевельника.

Он чувствовал себя, как на фронте, в разведке; его задачей было выследить противника и не обнаружить себя. Он сделал большой крюк и подумал даже, что заблудился, как вдруг из глубины леса сквозь решетчатый переплет заиндевельных ветвей увидел знакомую машину.

Евдокимов пригнулся еще ниже, осторожно отошел в сторону и спрятался за невысокой пушистой елкой.

Эджвуд и Галина стояли у машины. Они что — то долго копались возле нее, то и дело заглядывали в машину.

Евдокимов не видел, как они закусывали, но зато отлично видел, как они поцеловались. Он опять неодобрительно подумал о Галине: "Испорченная девка! Можно ли на нее положиться?"

Наконец они надели лыжи и пошли.

Куда? Далеко ли?

Евдокимов засек время. Два часа пятьдесят четыре
минуты. До пяти
далеко Сумеет ли
Галина выполнить поручение?

Евдокимов вышел на дорогу. Подошел к машине. Подергал дверцу.

Машина оказалась запертой на ключ. Эджвуд — человек осторожный.

Евдокимов попытался открыть замок.

Собственно говоря, он не имел права этого делать. Эджвуд пользовался дипломатическим иммунитетом. Его нельзя было арестовать, нельзя было обыскивать ни его, ни занимаемое им помещение. Автомобиль тоже мог считаться помещением. Застань Эджвуд Евдокимова в своей машине, мог бы произойти скандал. Проще всего было тогда притвориться обыкновенным воришкой. Но, к сожалению, они были знакомы. Вернись сейчас Эджвуд к машине, Евдокимов выглядел бы достаточно глупо

Но машина представляла немалый интерес. И Евдокимов был уверен, что если даже Эджвуд обнаружит, что кто-то покопался в машине, он не станет этого разглашать, ему это будет невыгодно.

Евдокимов поковырял в скважине. Замок, конечно, поддался. При некоторой ловкости и навыке это не составляло большого труда.

Евдокимов открыл дверцу, влез в машину и принялся за осмотр.

На закрытой полочке, справа от шофера, находились небольшой фотоаппарат — все-таки он возит его с собой — и пистолет; и пистолет, и фотоаппарат были заряжены.

На заднем сиденье лежал чемодан, на полу валялась меховая полость для ног.

Евдокимов открыл чемодан, это оказался погребец с провизией. Холодная курица, паштет, сухие бисквиты, шоколад.

Евдокимов позавидовал Эджвуду. Сам он не так

предусмотрителен, а не мешало бы захватить пару бутербродов. Фляга тоже наполнена. Евдокимов отвинтил крышку. Пригубил. Коньяк. Тоже неплохо.

"Иностранцы предусмотрительны по части всяких удобств, — подумал Евдокимов, — а мы, русские, всегда о себе забываем".

Он поднял заднее сиденье. Ого, это было уже интереснее! Коротковолновая радиостанция! Рискнуть или не рискнуть? Говорят, риск — благородное дело. Он рискнул.

Наладил радиостанцию, поднял антенну, настроился на
указанную волну Анохиным

Ждать было томительно. Он вышел на дорогу, погулял.
Снова посидел в машине. Снова погулял

Он много раз смотрел на часы, пока упрямая короткая стрелка не начала приближаться к пяти.

Вот наконец
Пять часов! Пять минут
шестого Восемь
минут шестого
Ого!

"Любимый
город Любимый
город"

Очень приятно, здравствуйте!

"Перехожу на
прием Перехожу
на прием"

Переходите, пожалуйста!

Отвечать или не отвечать?

Было очень соблазнительно поговорить с этим
"радиолобителем
" Но это было больше чем рискованно.

Завтра Эджвуд свяжется с ним и узнает, что в его
отсутствии кто — то пользовался
радиостанцией

Нет, отвечать нельзя.

Конечно, неплохо бы выдать себя за Эджвуда и
попытаться выяснить, что замышляют вражеские лазутчики.

Соблазн был велик, но такая игра могла все
сорвать

А тот зовет,
зовет

"Любимый
город
город
Любимый
"

Надрывайся сколько тебе угодно!

Вот почему мистер Эджвуд так любит загородные
прогулки.

Значит, время и волна остались те же, которые знал
Анохин, но изменился день: вместо пятницы вторник.

Главное выяснено! Это была радиостанция
ограниченного радиуса действия. Наблюдателям трудно
было бы запеленговать этот автомобиль. Сигналы Эджвуда
мог принять лишь человек, находящийся где — нибудь совсем
поблизости от

раз

Это было бы слишком рискованно!

Но для кого — то все — таки розы появились?..

Евдокимов позвонил Галине.

— Ах, Дмитрий Степанович? — удивилась она. — А я думала, вы мне больше не позвоните

Она разговаривала с Евдокимовым совсем иначе, чем прежде. Куда только исчезло ее жеманство!

— Вы никуда не собираетесь сегодня вечером со своим Робертом? — спросил он.

— Нет, — отозвалась она довольно — таки огорченно. — После последней прогулки он мне не звонил.

— Не звонил? — удивился, в свою очередь, Евдокимов. — С его стороны это просто невежливо.

— Почему? — удивилась тогда Галина. — Вероятно, он чем — нибудь занят.

— Чем — нибудь он, конечно, занят, — согласился Евдокимов. — Но, сколько мне помнится, у вас произошло что — то с ногой, и элементарная вежливость обязывала его осведомиться о здоровье своей дамы.

— Ах, вот вы о чем — Галина вздохнула. — Я и забыла об этом

— Вы, конечно, могли забыть, — заметил Евдокимов. — Но Эджвуду следовало помнить

Ни одна девушка не испытывает удовольствия, когда подчеркивают невнимание к ней ее поклонника, хотя бы он и был не слишком даже ей приятен.

Галина уклонилась от дальнейшего обсуждения поведения Эджвуда.

— Вам что — нибудь нужно от меня, Дмитрий Степанович? — спросила она.

— Мне хочется, чтобы вы пошли сегодня с Эджвудом в кафе на улице Горького, — сказал он. — И пригласили меня.

— А разве Роберт собирается туда? — спросила Галина.

Судя по ее голосу, она ничего не имела против этого предложения.

— Это мне неизвестно, — сказал Евдокимов. — Но вы бы могли позвонить, узнать и даже пригласить его, не упоминая, конечно, моего имени.

— Хорошо, я это сделаю, — немедленно согласилась Галина.

— Сделайте это сейчас, — сказал Евдокимов. — Минут через двадцать я снова позвоню вам.

Он так и сделал.

— Ну что? — осведомился он.

— Роберт говорит, что он занят, — сказала Галина.

Она была как будто чем — то обескуражена.

— Он вам больше ничего не сказал? — спросил Евдокимов.

— Он вообще был очень нелюбезен, — призналась Галина. — Говорит, что вообще не хочет меня видеть

— Надеюсь, вы не слишком огорчены? — любезно осведомился Евдокимов. — В таком случае я приглашаю вас.

— В кафе? — удивилась Галина.

— Именно! — сказал Евдокимов. — Часов в семь я за вами заеду

Евдокимов мало верил в то, что на этот раз Жадов рискнет появиться в кафе, но на случай, если у него все же хватит наглости прийти, Евдокимов решил не оставлять его на свободе.

С этой целью была направлена целая группа оперативных работников.

Они должны были расположиться неподалеку от входа в кафе и по первому знаку Евдокимова окружить и забрать Жадова.

В том случае, если бы Жадов был арестован сразу после встречи с Эджвудом, это достаточно компрометировало бы последнего

Вряд ли Жадов после ареста стал бы щадить своего соучастника!

Евдокимов и Галина приехали спозаранку, публики в кафе было еще мало, но Евдокимов боялся прозевать одного из тех любителей цветов, которые избрали это кафе местом своих свиданий.

Галине было не по себе. Она согласилась поехать с Евдокимовым, но не знала, как теперь себя с ним держать. Разыгрывать модную жеманную девицу было нелепо, вести себя просто она

разучилась

Поэтому она предпочитала молчать, а чтобы ее молчание не было слишком заметно, непрерывно что — нибудь пила и жевала.

Публика прибывала. Заиграл оркестр.

Галина тоскливо посмотрела на своего спутника.

— Разрешите вас пригласить? — спросил ее Евдокимов.

Галина оживилась.

— Вы хотите танцевать? — удивилась она.

— А почему бы и не потанцевать? — сказал Евдокимов.
— Ведь это доставит вам удовольствие

Когда они танцевали, в зале появился Эджвуд. Евдокимов сразу его заметил. Он ни на минуту не переставал наблюдать за публикой. По своему обыкновению, Эджвуд медленно пробирался по залу. Евдокимов не знал, заметил их Эджвуд или нет, и нарочно от него отвернулся. Но почти тут же они с ним столкнулись.

— Мистер Эджвуд?! — воскликнул Евдокимов. — Какая неожиданная встреча!

Они остановились.

— Почему неожиданная? — ответил Эджвуд с холодной вежливостью. — Я рассчитывал вас здесь встретить

Евдокимов опять плохо подумал о Галине. Неужели она проболталась?

— А вы сказали, что будете заняты! — упрекнула

Галина Эджвуда.

— Я действительно занят, — холодно сказал он. — Но
желание видеть
вас

— О Роберт! — ответила она, впадая в свой прежний
тон. — Вы
невыносимы

— Если у вас не назначено здесь никакой встречи, —
предупредительно сказал Евдокимов, — разрешите
пригласить вас к нашему столику.

— О нет, у меня здесь нет никакой другой встречи, —
сказал Эджвуд. — Пожалуйста и с удовольствием.

Они подошли к столику, но здесь Эджвуд совершил
маневр, которого Евдокимов не предвидел: трудно было
сказать, сознательно это сделал Эджвуд или случайно, но он
указал Евдокимову на стул, который стоял в простенке и с
которого нельзя было видеть весь зал.

— Прошу вас, — любезно сказал Эджвуд, садясь сам на
стул, наиболее удобный для обозрения зала и который
Евдокимов предназначал для себя. — Пусть Галина сядет
посередине!

Он даже засмеялся, хотя смеялся только его рот, глаза
его смотрели на Евдокимова с неизменным холодным
блеском.

— Между двух стульев, как это говорится у русских.

— Что вы будете пить и есть? — осведомился
Евдокимов на правах хозяина.

— Русское виски и русскую икру, — твердо сказал
Эджвуд. — Я готов это пить и это есть всю
жизнь

Он выпил рюмку водки и, забыв закусить ее икрой, зло посмотрел на Евдокимова.

— Да, мистер Евдокимов, — многозначительно произнес он. — Мне самому необходимо было встретиться с вами.

Он несколько наклонился над столом и, глядя Евдокимову прямо в глаза, произнес еще многозначительнее:

— Дядя Витя заболел.

Что бы это могло значить?

Неужели Эджвуд почему-либо решил, что Евдокимов тоже принадлежит к иностранной агентуре, ищет с ним встречи?

Евдокимов размышлял и колебался

Но Эджвуд настойчиво повторил еще раз:

— Дядя Витя заболел.

Ну что ж, попробуем; Евдокимов знает отзыв, посмотрим, что из этого получится
Евдокимов согласно кивнул и ответил:

— Надо обратиться к доктору.

Эджвуд прищуренными глазами посмотрел на Евдокимова.

— Нет, не надо, — холодно сказал он. — Дядя Витя умер.

Евдокимов не понял Эджвуда.

— Да, дядя Витя умер, — повторил тот. — Если вы познакомились с дядей Витей, ему делать больше нечего.

— Я вас не понимаю, — неуверенно сказал Евдокимов. — Если кто-нибудь болен, всегда надо обращаться к доктору.

— Но зато вас я очень хорошо понимаю, — сказал Эджвуд. — Я не знаю, каким образом вы узнали пароль, но, поскольку вы его узнали, он больше не существует. Это была последняя проверка, которая открыла мне ваше истинное лицо.

— Но позвольте, мистер Роберт! — воскликнул Евдокимов. — Не требуется большой проницательности, чтобы знать, кто я такой. Евдокимов Дмитрий Степанович

— Возможно, что вас действительно зовут Евдокимов, — сказал Эджвуд. — Но вы такой же физик, как и я.

Галина молча посмотрела на своих кавалеров. Эджвуд с подчеркнутым презрением посмотрел на Галину и пренебрежительно сказал:

— У вас нет никаких способностей стать артисткой, вы очень плохо хромали, а иногда даже забывали хромать. Вначале я думал, что это ваш каприз. Но когда я убедился, что в машине был кто-то посторонний, мне стало все ясно

Он отвернулся от Галины и принялся неотрывно смотреть на Евдокимова.

— Вы выбрали для меня плохого агента, мистер Евдокимов, — сказал он, указывая глазами на Галину. — И сами вы работали на моей коротковолновой установке и не заметили, что при включении станции одновременно автоматически включается специальный магнитофон. А он —

то и сообщил мне о вашем посещении.

— Но, мистер Эджвуд! — воскликнул Евдокимов. — Ваши подозрения

— Выслушайте меня, — остановил его Эджвуд. — Я, конечно, понимаю, что за мной не могут не следить, и вы давно уже возбудили во мне подозрение. Слишком часто сталкивались вы со мной в этом кафе, а я не верю в случайности. Вы сами еще неопытный агент, и поэтому я решил открывать перед вами карты. Оставьте меня в покое, иначе мой посол будет иметь неприятный разговор с вашим правительством. Я вам скажу, как это называется

Он полез в карман и достал записную книжечку в серебряном переплете.

— У меня здесь записано, — сказал он. — Я люблю собирать фольклор в тех странах, где я работаю. Это не запрещается. Вот Не пойман — не вор. Я не пойман, поэтому я не вор, и советую вам оставлять меня в покое.

— Спасибо за науку, мистер Эджвуд, — вежливо ответил Евдокимов. — Магнитофона я действительно не предусмотрел. Но приемник, с которым вы разъезжали по нашим лесам, вы обязаны были зарегистрировать

— Никакого приемника не существует, мистер Евдокимов, — спокойно перебил его Эджвуд. — Утром мои люди разобрали его, как ребенок разбирает свою любимую игрушку!

Эджвуд встал и, подчеркнуто не глядя на Галину, слегка поклонился.

— До свидания, мистер Евдокимов. Я не буду больше бывать в этом кафе, не буду встречаться с вами и никогда

больше не прикоснусь к красным розам, они перестали мне нравиться.

Он помолчал и самодовольно добавил:

— Надо понимать, с кем имеешь дело. Вы еще получите — это я вам обещаю — получите от меня привет.

Он еще раз наклонил голову и, уверенно лавируя между столиками, медленно пошел к выходу.

18. Охота на охотника

Воскресенье было в семье Анохиных тем мирным, счастливым днем, когда никакие тучки, никакие тревоги не омрачали жизни

Как — то уж так у них в последнее время повелось, что все покупки Шура делала накануне, а воскресенье они проводили дома; Шура вышивала или читала, Павел Тихонович сперва занимался, потом начинал возиться с дочерью: что — нибудь ей пел, носил ее, подбрасывал на руках, — постепенно в игру вступала Шура, и все трое развлекали друг друга.

Особенно уютно они почувствовали себя, когда их неожиданно пригласили в домоуправление и предложили перебраться в такую же комнату, но на пятом этаже, так сказать, подняли их на пятый этаж; одновременно предложили перебраться в эту же квартиру и Сомовым; на том, чтобы Наташа по — прежнему жила в одной квартире с Анохиными, особенно настаивал Евдокимов: она как — то очень хорошо поняла наказ Евдокимова оберегать Анохиных и делала это очень тактично и незаметно, без какой бы то ни было навязчивости.

После переезда наверх настроение Анохиных заметно улучшилось: Павел Тихонович теперь был уверен, что никто не заглянет к нему в окно и никакая пуля не залетит в его комнату на пятом этаже.

Конечно, вполне успокоился бы он только после ареста Жадова, но и переезд наверх внес в его жизнь большое облегчение.

Впрочем, к тому, чтобы сидеть безвыходно дома, сначала надо было привыкнуть, но когда они с Шурой порешили купить телевизор и купили его, сидеть дома стало не только не скучно, но даже приятно.

Посмотреть телевизионную программу заходила к ним иногда даже вечно занятая Нина Ивановна Сомова, а что касается Наташи — она постоянно проводила вечера у Анохиных.

Ослабевало по воскресеньям и наружное наблюдение, которое велось за домом, где жили Анохины. Было несомненно, что Жадов ни под каким предлогом зайти в квартиру больше не осмелится: его посещение еще слишком свежо было в памяти, и его сразу бы узнали. Ему нельзя было появиться даже неподалеку от дома, потому что для агентов наружного наблюдения Жадов из отвлеченной и малоосязаемой опасности постепенно превратился в реальную и вполне ощутимую личность с плотью, кровью и вполне определенным лицом. Но поскольку по воскресеньям никто из Анохиных на улицу не показывался, даже ангелы — хранители чувствовали себя в этот день, так сказать, в психологическом отпуске.

Поэтому в то воскресенье, когда события достигли своей кульминации, с утра никто и предположить не мог, что в этот день что —нибудь случится.

События стали разворачиваться к вечеру, когда Анохины думали, что день уже благополучно закончился.

Начались они с появления разносчика телеграмм, который был самым подлинным и обыкновенным почтальоном из ближайшего почтового отделения. Часов в пять вечера он позвонил и, не вызвав никаких подозрений,

был впущен в квартиру, вручил Анохину городскую телеграмму, и на этом его участие в дальнейшей истории закончилось.

Телеграмма была лаконична и гласила: "Прошу немедленно явиться на завод тчк Евдокимов".

Павел Тихонович показал телеграмму Шура.

— Что там могло случиться? — забеспокоилась Шура.
— Даже представить себе не могу

Анохин молчал.

— Во всяком случае, надо идти, — сказала Шура. — Евдокимов зря не вызовет.

Анохин пожал плечами.

— Если это Евдокимов

— То есть как, "если Евдокимов"? — удивилась Шура.
— А кто же мог послать телеграмму?

— А ты думаешь, все делается по-честному? — возразил Анохин. — Я-то знаю, как это делается!

— Что делается? — спросила Шура.

— Всякие вызовы, письма, телеграммы, — перечислил Анохин. — Меня этому обучали. Различные способы выманить человека из дому, для того чтобы он никогда не вернулся обратно.

— А если ты вправду нужен? — нерешительно спросила Шура.

— Да зачем Евдокимову вызывать меня телеграммой?

— продолжал рассуждать Анохин. — Какие у него могут быть дела на заводе, да еще в воскресенье? Не проще ли приехать самому или прислать за мной машину?

— Но что же делать? — растерянно спросила Шура.

— Прежде всего позвонить Евдокимову, — сказал Анохин. — На всякий случай проверим и посоветуемся, как быть.

— Правильно! — воскликнула Шура. — Я сейчас сбегаю и позвоню!

— Нет, не ты, — остановил ее Павел Тихонович. — Меня уже хотели оставить без Машеньки, почему бы им не попытаться отнять у меня и тебя? Надо быть осторожнее. Попросим Наташу, ее никто не тронет.

Они привыкли к постоянному присутствию Наташи возле себя и часто обременяли ее поручениями, которые обычно даются только членам семьи.

Шура даже не побежала за Наташей, а постучала в смежную стену.

Наташа не заставила себя ждать.

— Ты меня зовешь, Шурочка? — спросила она, без стука входя в комнату.

— Наташенька, у нас к тебе просьба: не сбегаешь позвонить по телефону? — обратилась к ней Шура, не сомневаясь в ответе. — Понимаешь ли, Павлик получил от товарища Евдокимова телеграмму, так надо узнать, обязательно ли ему идти

— То есть как же не обязательно? — удивилась Наташа.
— Если Евдокимов вызывает

— Да в том — то и дело, что у Павлика нет уверенности, что это Евдокимов, — объяснила Шура. — Сбегай, Наташенька, спроси. Я тебе сейчас дам телефон.

— Понимаю — понимаю! — догадалась Наташа. — У меня есть телефоны Евдокимова. И служебный, и домашний. Сейчас

Она выбежала в переднюю, накинула на себя пальто, выскочила на лестницу, пулей слетела вниз и помчалась в соседний подъезд, где находился телефон — автомат.

Принимая во внимание, что было воскресенье, она позвонила Евдокимову по домашнему телефону, и Евдокимов, на ее счастье, оказался дома и тотчас ответил.

— Товарищ Евдокимов! — торопливо сказала Наташа. — Здравствуйте! Вы просили звонить вам, если что. Так вот, Павел Тихонович получил телеграмму

— Здравствуйте, Наташа, — отозвался Евдокимов. — Какую телеграмму?

— От вас, — сказала Наташа.

— Как от меня? — спросил Евдокимов. — Я не посылал никакой телеграммы. Рассказывайте!

— Да нечего рассказывать, — сказала Наташа. — Принесли телеграмму, вызывают Павла Тихоновича на завод, и ваша подпись. Вот он и спрашивает: идти или не идти?

— Я сейчас приеду, — сказал Евдокимов. — Спасибо, что позвонили. Передайте, буду у них через десять минут.

Он действительно появился в квартире у Анохиных через четверть часа.

— Но ведь вы должны понять, что иначе нам не взять Жадова, — упрекнул его Евдокимов. — Он очень ловко скрывается. Скрываться — это его профессия, и он никогда не обнаружит своего присутствия, если перед ним не появится его добыча.

— Но ведь он подстерегает меня не для того, чтобы заключить в свои объятия! — сердито сказал Анохин.

— Но мы — то будем наготове! — возразил Евдокимов. — До сих пор ни один волос не свалился с вашей головы!

— Это просто повезло, — не сдавался Анохин. — Я не хочу и

— Бойтесь? — спросил Евдокимов.

— Да, боюсь, — откровенно признался Анохин. — Я уже говорил: вы не знаете Жадова. Он стреляет без промаха — днем, ночью, с завязанными глазами

Самым заветным желанием Анохина было, чтобы арестовали Жадова, но сам он не хотел в этом принимать участия; при мысли о встрече с Жадовым им овладел ужас, он начинал чувствовать какой-то неприятный холодок и, даже мысленно представив себе давящий взгляд бесстрастных, каменных глаз Жадова, втягивал голову в плечи и готов был бежать от них хоть на край света.

— Но ведь вы разведчик, — сказал ему Евдокимов. — Вы должны быть готовы ко всему

— Ах да никакой я не разведчик! — раздраженно выкрикнул Анохин. — Я нанялся в шпионы потому, что мне нечего было жрать!

— Но вы должны нам помочь, понимаете? — спросил

Евдокимов. — Вы этим помогаете самому себе, своей семье. Мы не дадим вас убить.

Анохин упрямо молчал.

— Второй такой случай не повторится, — убеждал его Евдокимов. — Нельзя оставлять Жадова на свободе, и чем скорее мы его возьмем, тем лучше. Вы пойдете?

Анохин молчал.

В течение всего этого разговора Шура не проронила ни одного слова; она слушала обоих мужчин, попеременно вглядываясь то в Евдокимова, то в мужа.

— Вы пойдете? — повторил Евдокимов свой вопрос.

— Он пойдет, — ответила Шура вместо мужа.

Анохин резко повернулся к жене

— Он пойдет, Дмитрий Степанович, — повторила Шура. — Как же это он не пойдет?

Анохин гневно посмотрел на жену.

— Даты начал было он. — Ты понимаешь?..

— Я все понимаю, Павлик, — остановила она его. — Я бы пошла вместо тебя, но это бесполезно. Дмитрий Степанович правильно говорит. Жадов все равно как зверь, который вырвался из зоопарка. Его необходимо задержать

Шура обернулась к Евдокимову.

— Ведь вы его побережете, Дмитрий Степанович? — спросила она.

Она вышла в переднюю и вернулась, держа в руках пальто мужа.

— Одевайся, Павлик.

— Да, время идет, не надо его заставлять дожидаться, — деловито сказал Евдокимов. — Вы по каким улицам обычно ходите на завод?

— По Стремянной, — ответил Анохин, покорясь вдруг Евдокимову. — Сворачиваю на Кольцевой проезд, оттуда через Васильевский переулок на Заводскую

— Вот и отлично! — бодро сказал Евдокимов. — Так и идите. Идите не спеша, обычным шагом

— Но вы учтите, — сказал Анохин, — он ко мне даже не подойдет, он за сорок шагов сбивает

— Не беспокойтесь, — подбодрил его Евдокимов. — Машина уже внизу, там еще три наших работника. Они для этого и приехали

Анохин и Евдокимов вместе спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Идите, — сказал ему Евдокимов и пошел к машине.

— А вы? — спросил Анохин.

— Все будет в порядке, — уверенно повторил Евдокимов. — Идите.

Анохин
пошел

Не оставалось ничего другого, хотя ему очень не хотелось идти. Никто в Москве не знал Жадова так, как его знал Анохин

Но те, кто охранял его в течение всего последнего времени, посылали его навстречу Жадову И Анохин вынужден был идти. Вот он идет, идет

Но где же Евдокимов? Где те, кто взялся его охранять? Нигде никакой машины, ни позади, ни впереди

Анохин не считал себя трусом, но сегодня ему было жутко.

Где подстерегает его Жадов?

Опоздай Евдокимов на секунду — и не видать Анохину ни Шуры, ни Машеньки, ни этих улиц, ни снега, ни уличных фонарей

Он прошел Стремянную, пересек Кольцевой проезд, приблизился к Васильевскому переулку Вошел в переулок.

В Васильевском переулке и днем — то бывало пустовато, а сейчас вообще никого не было.

Для чего только так ярко горят фонари?

Он неторопливо прошел переулок, приблизился к углу, хотел было повернуть за угол, как вплотную столкнулся с каким — то человеком, поднял голову и увидел Жадова!

Увидел и обмер.

Жадов в упор смотрел на Анохина ледяным, ненавидящим взглядом.

— Наконец — то ты мне попался! — негромко произнес Жадов.

Или он ничего не произнес, и это только показалось Анохину?..

Он почувствовал, как у него противно задрожали колени.

Какой — то мерзкий страх сдавил горло.

Он растерянно обернулся и — не выдержал, не справился с собой

Он повернулся, втянул голову в плечи и побежал назад. Скорее, скорее, подальше отсюда, скрыться, исчезнуть, раствориться!..

Жадов целится сейчас ему в спину. Анохин не сомневается в этом. Так в лагерях для перемещенных лиц убивали тех, кого подозревали в симпатиях к коммунизму. Так обыкновенно убивал людей Жадов. Об этом все знали в Бад — Висзее. Он приказывал своей жертве повернуться спиной и идти и хладнокровно всаживал пулю в затылок

Редко Евдокимов испытывал такое напряжение. Он ни на мгновение не упускал из виду Анохина, но с еще большим вниманием наблюдал за всем, что было "вокруг, сверху и внизу"

Он тоже не чувствовал себя обычным, нормальным человеком, он готовился к прыжку Он чуть притронулся к руке шофера, и тот задержался на углу Васильевского.

Ярко горели уличные фонари, темнели черно — серые полосы тротуаров, кое — где на мостовой белели пятна снега

Только профессиональный, безошибочный глаз Евдокимова мог сразу увидеть и оценить всю обстановку.

Анохин дошел до угла, сразу же повернулся и побежал, и в то же мгновение на углу появился кто — то еще, высокий и поджарый; этот кто — то вскидывает руку и целится

Через несколько секунд машина будет возле человека на углу, но за эти несколько секунд он выстрелит

Евдокимов сам резко поворачивает баранку, и машина рывком въезжает на тротуар и загораживает Анохина.

Шофер резко тормозит. Пуля пробивает кузов.

Все это происходит в одно мгновение.

Евдокимов выскакивает из машины. Анохин молчит, смотрит на Евдокимова и ничего не понимает. Его губы шевелятся.

— Спасибо, — доносится до Евдокимова его шепот.

Евдокимов вскакивает обратно в машину.

— Вперед, вперед! — приказывает он шоферу. — Жми!

Жадова нет
Нигде!

Куда он исчез? Как? На машине? Пешком?..

19. Штаб повстанцев

Потеряв следы Жадова и отправив Анохина домой, Евдокимов поехал к себе в отдел.

Везде было пусто, все отдыхали.

Он заглянул в приемную в надежде, что генерал, может быть, у себя, — ему очень хотелось рассказать о новом покушении на Анохина, — но и генерала не было, только один дежурный по отделу сидел в кресле у стола и читал новый роман Фейхтвангера. Евдокимов прошел в оперативную часть и попросил усилить наблюдение за квартирой Роберта Д.Эджвуда; события развивались так, что вполне резонно было предположить, что Эджвуд и Жадов захотят встретиться, что им просто надо будет встретиться друг с другом.

Евдокимов просил не терять Эджвуда из поля зрения ни на минуту и, если он куда —нибудь выедет, поставить его об этом в известность.

Но едва Евдокимов приехал домой, как ему позвонили и сообщили, что сам Эджвуд никуда не выезжал, но зато к нему на квартиру только что явился странный посетитель.

Евдокимов сейчас же поехал узнать подробности.

Около восьми часов вечера, сообщили ему, к дому, в котором проживает мистер Эджвуд, приблизился высокий мужчина — судя по описанию, можно было не сомневаться, что это Жадов, — торопливо вошел в парадное, позвонил в квартиру Эджвуда и рывком, немедленно исчез за дверью; больше его не видели, из квартиры Жадов не появлялся.

Это было нарушением всякой конспирации!

Жадов не мог, не смел, не должен был приходить к Эджвуду: его посещение чрезвычайно сильно могло скомпрометировать Эджвуда и не приносило пользы

Жадову

Евдокимов допускал, что две причины могли побудить Жадова устремиться к Эджвуду: желание скрыться после покушения и еще большее желание поскорее удрать из Советского Союза.

Должно быть, Жадов чувствовал себя очень неуверенно, скрываться ему, по – видимому, становилось все труднее, и к тому же, вероятно, нервы тоже сдавали даже у такого железного человека, каким, несомненно, был Жадов.

Евдокимов представлял себе, что Жадова ожидал у Эджвуда не слишком любезный прием: солидарность солидарностью, но в том мире, к которому принадлежали и хозяин квартиры, и его гость, собственная шкура ценится превыше всего.

Скрываться у Эджвуда Жадов не мог: неприкосновенность помещения, занимаемого лицом, обладающим дипломатическим иммунитетом, не предусматривала по советскому закону права предоставления убежища лицам, преследуемым государством, при правительстве которого эти дипломаты были аккредитованы; не позднее как утром от Эджвуда, и даже не от Эджвуда, а от посольства, при котором тот числится, потребуют выдачи Жадова, и никто не сможет от этого уклониться, а сам Эджвуд будет иметь неприятности, которые могут вызвать даже его отъезд из Советского Союза.

Поэтому Жадов неизбежно должен был покинуть квартиру Эджвуда.

Жадов мог появиться в любой момент, и каждую минуту надо было быть наготове.

Евдокимов вызвал машину с оперативными работниками и вместе с прибывшими поместился в машине.

Машина находилась за углом, но двое работников ни на минуту не отходили от самого дома.

Эджвуд, разумеется, знал, что за его квартирой установлено наблюдение.

Часов в десять вечера на улицу вышел один из его лакеев и прошелся от угла до угла.

Евдокимов не находил нужным делать секрета из наблюдения за квартирой. Эджвуд был пойман с поличным, рано или поздно Жадов должен был появиться, предстояло только задержать его возможно тише и аккуратнее.

В полночь вышел погулять в переулок другой лакей

Жадов не появлялся.

Ночь тянулась медленно, монотонно.

Прохожих становилось все меньше, стихал городской шум, приближалось то глубокое ночное время, когда даже в Москве ненадолго устанавливается относительная тишина.

Кто знает, что делали в это время Эджвуд и Жадов, кто знает, какими любезностями обменивались между собой в эти ночные часы хозяин квартиры и его непрощеный гость

Ночь шла, близилось утро, в переулок врывал серый сумрак.

Под утро Евдокимов пошел пройтись под окнами Эджвуда. Везде были спущены занавески, за занавесками горел свет. Что там происходило?

Один из лакеев вышел из ворот и стал их открывать. Становилось интересно уже

И, едва ворота распахнулись, показалась машина господина Эджвуда.

Было пять утра.

За баранкой сидел сам Эджвуд, в глубине машины тоже сидел кто — то.

Евдокимов попытался взглядом проникнуть вглубь машины.

Человек явно старался быть как можно незаметнее, но и длинная фигура, и каменная посадка головы не вызывали сомнений

Эджвуд вывозил Жадова.

Иначе он поступить не мог. Оставить у себя нельзя, выпустить одного тоже нельзя: Жадова задержат, и будет установлено, из чьей квартиры он вышел; для Эджвуда наилучшим выходом была попытка спасти Жадова.

Эджвуд правильно рассчитывал на свой дипломатический иммунитет: его машина являлась частью территории, на которую этот иммунитет распространялся; во всяком случае, до начала служебного дня, покуда еще не последовало официального обращения в посольство, никто не решится ни задержать, ни проникнуть в его машину, а до того времени, когда начнут работать дипломатические канцелярии, сделать было можно многое.

Эджвуд повернул направо.

Евдокимов кинулся к своей машине.

— Ну, братцы, — промолвил он, — теперь наше дело — только бы не отстать!

Улицы были еще пусты, жизнь еще только начиналась.

Евдокимов демонстративно не отставал от Эджвуда.

Было очевидно — да Евдокимов этого и не скрывал, — что за Эджвудом не следят, а просто — на просто его преследуют.

Эджвуд выехал на Садовое кольцо, здесь уже можно было двигаться быстрее.

У Эджвуда был "бьюик", Евдокимов со своими товарищами ехал в "Победе".

Евдокимов боялся, что в конечном счете скромная "Победа" не выдержит соревнования с сильным "бьюиком".

Эджвуд свернул на улицу Горького и погнал машину к вокзалу.

Выехал на Ленинградское шоссе, начал набирать скорость.

— Держись, ребятки! — сказал своим помощникам Евдокимов. — Сейчас только начнется

Что начнется, он не сказал, — это было понятно без слов.

Они не заметили, как выехали за пределы городской черты.

Тут началась настоящая гонка!

Эджвуд выжимал из своего "бьюика" все, но скромная и маленькая по сравнению с великолепным "бьюиком" "Победа" бежала с завидной неутомимостью.

На одном из перекрестков Эджвуд неожиданно свернул, и "Победа" проскочила мимо поворота.

Это дало Эджвуду выигрыш времени в несколько минут, а это было очень много.

Когда "Победа" опять пошла следом за "бьюиком", тот уже отъехал очень далеко.

Но возле одного из переездов через линию железной дороги опущенный шлагбаум опять уменьшил разрыв в расстоянии.

Долю длилась эта утомительная
гонка

"Бьюик" то вырывался вперед, то его задерживали какие-нибудь случайные препятствия; Эджвуд петлял, хитрил, норовил обмануть своих преследователей; на одном из перекрестков резко затормозил, развернулся, поехал навстречу "Победе".

Пока "Победа" разворачивалась, он опять выиграл несколько минут.

Эджвуду во что бы то ни стало нужно было уйти от преследователей. Он вел машину все скорей и скорей, не обращая внимания на случайные препятствия, не обращая внимания на прохожих. Так, в бешеной и утомительной гонке, он добрался до своего излюбленного Серпуховского шоссе. Здесь он опять устремился вперед, выжимая из машины все ее силы.

"Победа" задыхалась, изнемогала, но все шла, шла; передняя машина не могла от нее оторваться. Не могла, а оторваться ей было очень нужно.

Внезапно неподалеку от переезда "бьюик" свернул к железнодорожному полотну.

Издали гудел приближавшийся поезд.

По — видимому, беглецы спешили опередить поезд и перескочить линию, рассчитывая, что поезд перегородит путь "Победе" и "бьюик" выиграет таким образом еще несколько минут, которые в конце концов могли решить успех этой головокружительной гонки.

Поезд находился в километре—полутора от переезда, не больше. Стрелочница опускала шлагбаум.

"Бьюик" задержался на мгновение у шлагбаума, Жадов выпрыгнул из машины, подскочил к стрелочнице; из "Победы" было видно, как Жадов отшвырнул стрелочницу в сторону, шлагбаум пополз вверх, и "бьюик" въехал на переезд.

Но он не пересек линию, а свернул вдруг на параллельную колею и, подпрыгивая, помчался по шпалам.

Поезд, чуть замедливший ход у дачной станции, миновал и ее, и будку стрелочника, снова стал набирать скорость.

Впереди мчался поезд, и параллельно с ним, почти бок о бок, мчался автомобиль

И на глазах у всех находившихся в этот момент на переезде произошел трюк, который очевидцам этого зрелища приходилось раньше видеть лишь в приключенческих кинокартинах.

Поезд и автомобиль двигались параллельно друг другу. На ступеньке автомобиля стоял Жа — дов. Автомобиль прыгал по шпалам.

Мчался
поезд
автомобиль
бок!

Мчался
Бок о

Жадов вытянул руку и опустил. Не получилось!

Автомобиль снова поровнялся с одним из вагонов.
Жадов снова протянул
руку Его точно?
рвануло! Он мотнулся в
воздухе

Сорвется!

Нет, он уже висел на поручне
вагона

Сорвется! Нет, подтянулся. Вот встал на
ступеньке Еще
мгновение — и Жадов исчез в вагоне.

"Бьюик" сразу сбавил темп, поезд прошел мимо него и умчал Жадова. Немедленно из "Победы" выскочил один из сотрудников и побежал к будке стрелочника, чтобы срочно сообщить о побеге Жадова на ближайшую станцию.

Находиться на линии было рискованно, каждую минуту мог пройти встречный поезд.

"Бьюик" развернулся, стал поперек линии, попытался съехать, скатился с насыпи, перевалился через канаву, уперся радиатором в землю, и, тоже как в кино, перевернулся и замер, задрав кверху колеса.

Евдокимов и его помощники подбежали к месту аварии.

— Дела! — сказал кто-то из них и полез вниз, к перевернутой машине.

— Смотри, поосторожнее! — крикнул другой. — Не забудь, эта машина пользуется дипломатической неприкосновенностью!

— Ну, ноги дипломаты ломают так же, как и все смертные, — отозвался первый и попытался заглянуть в машину.

В это мгновение передняя дверца машины дернулась, дернулась еще сильнее и отворилась, и из нее показался довольно — таки помятый Эджвуд.

С очевидным трудом он выбрался из машины, на четвереньках взобрался на насыпь, отряхнулся и, ни на кого не глядя и ничего не говоря, кое — как заковылял к станции.

Евдокимов вспомнил, что ему говорил Эджвуд, не выдержал и громко сказал:

— Да, надо понимать, с кем имеешь дело! Эджвуд не оглянулся.

Когда он отошел сравнительно далеко, Евдокимов спустился и заглянул в машину.

Заднее сиденье отвалилось, и на потолке, превращенном волею случая в пол, валялись части рассыпавшейся от толчка коротковолновой радиостанции; Эджвуд наврал, что ее уничтожили; он явно рассчитывал, что его дипломатический иммунитет помешает произвести осмотр его машины.

Всего этого было достаточно, для того чтобы предъявить мистеру Эджвуду серьезный счет.

— Да, — сказал Евдокимов, задумчиво посматривая на машину. — Вот и все, что осталось от штаба повстанцев, так успешно боровшихся с коммунизмом под нашей Москвой. Но медлить нечего. Надо сейчас же разослать телеграммы по всем точкам. Пусть господин Жадов не надеется

20. *Persona non grata*, или Развязка повести, завершающейся приятным подарком улетающему

иностранцу и неприятным выговором по службе

Делается это очень просто: ответственного чиновника посольства, иногда даже самого посла, а чаще одного из советников посольства, приглашают в Министерство иностранных дел и вручают ноту о нежелательности пребывания в данной стране того или иного сотрудника посольства; на языке юристов это называется объявить данное лицо персоной нон грата.

Государство не обязано указывать мотивы такого объявления, хотя обычно это делается; посольство и вообще все те, кому это надлежит знать, отлично знают, что именно сделано или делало нежелательное лицо и что в газетных сообщениях обычно называется деятельностью, несовместимой с официальным положением.

Так было и на этот раз. Правда, мистер Роберт Д.Эджвуд не принадлежал к рангу высокопоставленных дипломатов, но поскольку он все же пользовался дипломатической неприкосновенностью, посольству, чиновником которого он числился, было объявлено, что дальнейшее пребывание этого господина в нашей стране нежелательно.

Обижаться на это решение не приходилось. Обращаясь к той самой русской пословице, которой воспользовался Эджвуд в одном из своих разговоров с Евдокимовым, можно было сказать, что вор был пойман за руку, что опять же на языке дипломатов и юристов туманно называется вмешательством во внутренние дела страны своего пребывания.

Анализ деятельности мистера Эджвуда с несомненностью свидетельствовал о том, что по роду и характеру своих занятий у себя на родине он принадлежал не столько к дипломатическому ведомству, сколько

Но не будем подчеркивать то, что очевидно без всяких

подчеркиваний.

Вполне возможно, что мистер Эджвуд еще долго занимался бы своей несовместимой с его официальным положением деятельностью, если бы не его беспримерная наглость. Мистер Эджвуд самоуверенно вообразил, что именно он — то и является в Москве той карающей десницей, которая должна и может настигать грешников, неудобных и неприятных его хозяевам.

И еще неизвестно, кто был лучше или, вернее, хуже — Эджвуд или Жадов, непосредственный убийца или его вдохновитель!

Когда на оперативном совещании Евдокимов докладывал о всех перипетиях преследования Эджвуда и Жадова, кто — то съязвил:

— Дмитрию Степановичу просто повезло. Кто мог рассчитывать, что в нарушение всех правил конспирации Жадов кинется к своему патрону?

— Ну нет, это было вполне закономерно, — наставительно возразил генерал. — Жадову некуда было деваться, он был затравлен. Возможно, у него теплилась слабая надежда, что Эджвуд его как — то спасет, сумеет как — то воспользоваться своим дипломатическим иммунитетом. Но где — то в глубине им двигало, конечно, и некоторое злорадство: если я гибну, погибай и ты вместе со мной. В волчьем царстве капитализма это закон Жадов вынужден был самими обстоятельствами кинуться за спасением к Эджвуду, и тот вынужден был попытаться его спасти, это было выгоднее всего; хотели они или не хотели, они очутились в заколдованном круге.

Что могли сказать в посольстве в ответ на требование, чтобы мистер Эджвуд убрался подобру — поздорову?

Коротковолновая радиостанция, обнаруженная в его машине, красноречивее всяких слов повествовала о его

деятельности.

Мистеру Эджвуду не оставалось ничего другого, как вернуться к себе на родину.

Он уезжал, вернее, улетал из Москвы не то чтобы крадучись, но и без особого парада. Никто его не провожал, кроме одного его лакея, который оставался работать в Москве, и вдруг оказался не лакеем, а шифровальщиком посольства; даже другие его лакеи, даже его коллеги по службе не пришли его проводить.

Стоял серенький, сырой день, один из таких дней, когда весна исподволь одолевает зиму; с неба сыпался крупный прозрачный снег, который у самой земли превращался в дождевые капли; погода была почти нелетная.

К аэродрому мистер Эджвуд подъехал на этот раз в чужой машине.

Он вылез из автомобиля, стал прямо в черную лужицу, натекающую откуда — то на неровный асфальт, — на нем были грубые дорожные непромокаемые ботинки, воды под ногами он не боялся, — и подозвал носильщика.

Некоторое время мистер Эджвуд смотрел, как носильщик и шофер выгружают его чемоданы, потом пошел в здание аэровокзала и поднялся в ресторан.

Гардеробщик кинулся было к нему, предлагая снять пальто, но Эджвуд только отмахнулся, подошел к буфетной стойке и попросил налить рюмку водки.

Буфетчица взяла рюмку.

— Не эту, — мрачно сказал он, недовольно глядя на маленькую рюмку, и указал на большой фужер. — Вот эту.

Водку он пил медленно, с удовольствием, смакуя ее по глоткам.

— Чем будете закусывать? — приветливо спросила его буфетчица.

— Ничем, — ответил он уже более любезным тоном и даже пошутил: — Закусывать я буду у себя дома!

В буфете его и разыскал носильщик: бывший лакей идти за мистером Эджвудом не пожелал, счел это теперь, вероятно, ниже своего достоинства.

— Пора идти, — сказал носильщик. — Посадка производится.

— Хорошо, — вежливо ответил Эджвуд и послушно направился к выходу.

Он шел к самолету важный, погруженный в собственные мысли, когда к нему подошел еще один носильщик

Евдокимов был осведомлен об отъезде господина Эджвуда, и, собственно говоря, господин Эджвуд уже мало его интересовал.

Но утром, в день отъезда Эджвуда, им овладело какое — то буйное мальчишеское настроение

Ему вдруг пришла в голову блестящая идея!

Евдокимов заторопился, вызвал машину; боясь опоздать, он не стал даже завтракать и велел быстро ехать в цветочный магазин.

Цветы стоили дорого, но предвкушаемое удовольствие было слишком велико.

Из цветочного магазина он помчался на аэродром и приехал как раз в тот момент, когда производилась посадка.

Пассажиры шли к самолету.

Евдокимов подозвал носильщика и издали указал ему на человека, с которым не раз сидел за одним столиком в кафе на улице Горького и который часто называл его своим приятелем.

— Видите вон того иностранца? — спросил Евдокимов носильщика. — Подите и отдайте ему это. Спросите его: "Вы мистер Эджвуд?" — и отдайте. Не ошибитесь: Эд—жжж—вуд!

Он сунул в руки носильщику свою попку.

— Не ошибитесь, — еще раз напомнил он носильщику.
— Мистер Эджвуд

Носильщик подошел к иностранцу и слегка притронулся к рукаву его пальто. Тот приостановился.

— Да? — спросил он.

— Вы мистер Эд—жжж—вуд? — спросил носильщик и, не ожидая ответа, протянул ему такой обычный и, так сказать, материализованный привет, который он уже много—много раз вручал отъезжающим пассажирам. — Вам просили передать.

И он подал, а мистер Эджвуд взял букет, обернутый в папиросную бумагу. У мистера Эджвуда даже блеснуло что—то в глазах, ему почему—то вспомнилась Галина. Он сорвал с цветов бумагу.

— Это вам передавала одна девушка? — спросил он.

Алые распускающиеся розы, казалось, дышали, и промозглый, тяжелый воздух стал как будто нежнее, весеннее и мягче.

— Никак нет, — сказал носильщик. — Мне это дал вон тот гражданин

Носильщик обернулся, но там, где только что стоял подозвавший его гражданин, никого не было.

Иностранец покопался в кармане, протянул носильщику первую попавшуюся ему под руку бумажку, сунул букет под руку, точно это был не букет, а веник, решительно зашагал к самолету и через минуту скрылся от носильщика навсегда.

Евдокимов тоже быстро шагнул прочь от аэродрома. Он был удовлетворен, но он опаздывал на службу, и не успел войти к себе в кабинет, как ему передали, что его срочно вызывает генерал.

Он знал, для чего его вызывают. Надо найти Жадова. Генерал уже говорил с ним об этом. Анохин может успокоиться: в Москву Жадов не вернется. Его надо искать всюду и везде. Надо сообщить на все пограничные заставы. Если ему и удастся добраться до границы, его возьмут там
Евдокимову
придется об этом побеспокоиться. Предстоит еще тяжелая, напряженная работа

Что ж, он готов к ней

Евдокимов вошел к генералу, но не успел даже раскрыть рот для приветствия.

— Это еще что за номер? — закричал на него генерал и застучал по столу пальцем. — Мальчишество! Бестактность! Вместо того чтобы заниматься делом, вы выкидываете какие — то эскапады! Кто вам это позволил?

Даром что старик! Откуда ему все становится, немедленно известно?

